

МОХНАТОЕ ЧУДО

Валентин
ПАЖЕТНОВ

МОСКВА 2004

Валентин Пажетнов

Мохнатое чудо

«Товарищество научных изданий КМК»

2004

Пажетнов В. С.

Мохнатое чудо / В. С. Пажетнов — «Товарищество научных изданий КМК», 2004

Эта книга увидела свет благодаря стараниям М.Н. Воронцовой, директора Российского представительства Международного фонда защиты животных, замечательной женщины и друга нашей семьи. История написания книги, как и вся моя жизнь, связана с лесом, зверями и моей женой Светланой Пажетновой – коллегой, помощницей и непосредственной участницей всех наших начинаний. Долгие годы мы сотрудничаем с лабораторией физиологии и генетики поведения кафедры ВНД МГУ. Это сотрудничество не только позволило получить знания и определить направление нашей работы, но, главное, подарило нам близких по духу и деятельности друзей. Рукопись книжки любезно согласились прочитать академик В.Е. Флинт и д.б.н. И.И. Полетаева. Их замечания и предложения были учтены мною при повторной редакции. Первую коррекцию и макет книжки выполнил профессор В.М. Воробьев, что значительно облегчило набор и редакцию текста. Всем им выражаю свою глубокую, сердечную благодарность. Книжка печатается в редакции автора, который и несет всю ответственность за ее содержание. С уважением к читателям В. Пажетнов

© Пажетнов В. С., 2004

© Товарищество научных изданий
КМК, 2004

Содержание

Предисловие автора	6
I. Долгий лог	8
II. Биологическая станция «Чистый лес»	17
III. Первые сироты	26
IV. Деревня	32
V. Судьба сиротская	34
VI. Медвежий дом	37
VII. Весна	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валентин Пажетнов

Мохнатое чудо

© В. Пажетнов, 2004.

© ООО «КМК», издание, 2004.

Предисловие автора

Представления о просторах окружающей нас дикой природы изменяются в нашем понятии по мере того, как мы становимся взрослыми и выходим сначала из нашего привычного и уютного двора на улицу, затем попадаем в парк, в ближайший лес и, наконец, познаем мир дикой природы по книжкам, в кино, по телевизору. Иным судьба дарит возможность побывать в разных странах мира и воочию увидеть как красоту дикой природы, так и разрушения, причиняемые ей человеком. Так сложилось, что число людей на Земле стремительно растет и человечество осваивает все новые территории, отбирая их у дикой природы. Диким животным остается все меньше и меньше места на Земле для своего существования. А еще люди продолжают охотиться на диких животных, сохранив неумную страсть к охоте с далеких времен, когда охота кормила людей и одевала их в шкуры добытых зверей, сохраняя от холода. Охота на крупных зверей требовала знаний их повадок, умения пользоваться примитивным оружием, была опасным занятием и оставалась уделом мужественных людей. В наше время охота нередко превращается в потеху, когда вооруженный современным оружием, способным убивать животное днем и ночью и на большом расстоянии, человек просто расстреливает живое существо. Особенно страдают медведи. Осенью ходят медведи кормиться на овсяное поле зерном. Охотники специально сеют поля поближе к лесу, в котором медведи водятся. Около поля строят будку-лабаз на высоких столбах, в которую и сажают охотника. Все поле из такой будки видно. Выйдет медведь на поле овсом полакомиться и становится для охотника не больше не меньше, как живой мишенью. И зимой в берлоге, если найдут ее люди, медведь тоже стал беззащитным. Пускают собак к берлоге, выгонят собаки медведя и стреляют в него из автоматических винтовок разрывными пулями. Часто на берлогах убивают медведицу. Тогда остаются только что родившиеся медвежата сиротами. Забирают их охотники. Случается, что люди нечаянно могут испугать медведицу, если окажутся около ее берлоги. В таких случаях медведица убегает, бросает своих детенышей и к берлоге уже не возвращается. Делает себе в укромном месте другую берлогу, в которой спит, дожидаясь весны. Люди выкармливают медвежат-сирот. Детеныши медведя очень забавные, пушистые, играть любят, очень нравятся и взрослым, и детям. Но подрастает медвежонок, набирается сил. И люди вдруг обнаруживают, что это серьезный зверь, очень настойчивый в своих притязаниях на подачки от людей. Становится недавняя «игрушка» домашним разорителем, от которого люди стремятся избавиться всеми способами. В лес выпустить нельзя: привык медведь к легкой пище, которую давал ему чело век, не станет жить в лесу, обязательно вернется к людям, и будет упорно преследовать человека, вымогая у него еду. Может сильно разозлиться, напасть и нанести человеку серьезные ранения. Медведь – зверь опасный. Остается только два способа оградить людей от нападков зверя: либо убить его, либо посадить на всю жизнь в клетку. В зоопарках места для всех медведей, которые попадают к людям, нет.

Люди давно думали о том, как можно вернуть диким животным, выкормленным человеком, свободу. Во всех странах мира этот вопрос волновал и ныне волнует человечество. Оказалось, что несложно подготовить к выпуску на волю многих птиц, мелких зверей, змей, ящериц. Труд, но приживаются на воле крупные птицы и звери. При этом многие из них могут оказаться очень опасными для людей. Например, такие звери как слоны, бегемоты, крокодилы, медведи и многие другие. Люди веками охотились на крупных зверей. У зверей сформировался страх перед человеком, и они приспособились прятаться от людей. И передается этот страх от поколения к поколению, сохраняя жизнь зверям и здоровье человеку, который приходит в лес безоружным.

Мы научились выращивать и выпускать на свободу медвежат-сирот. Оказалось также возможным выпустить в лес после специальной передержки и тех медвежат, которые родились

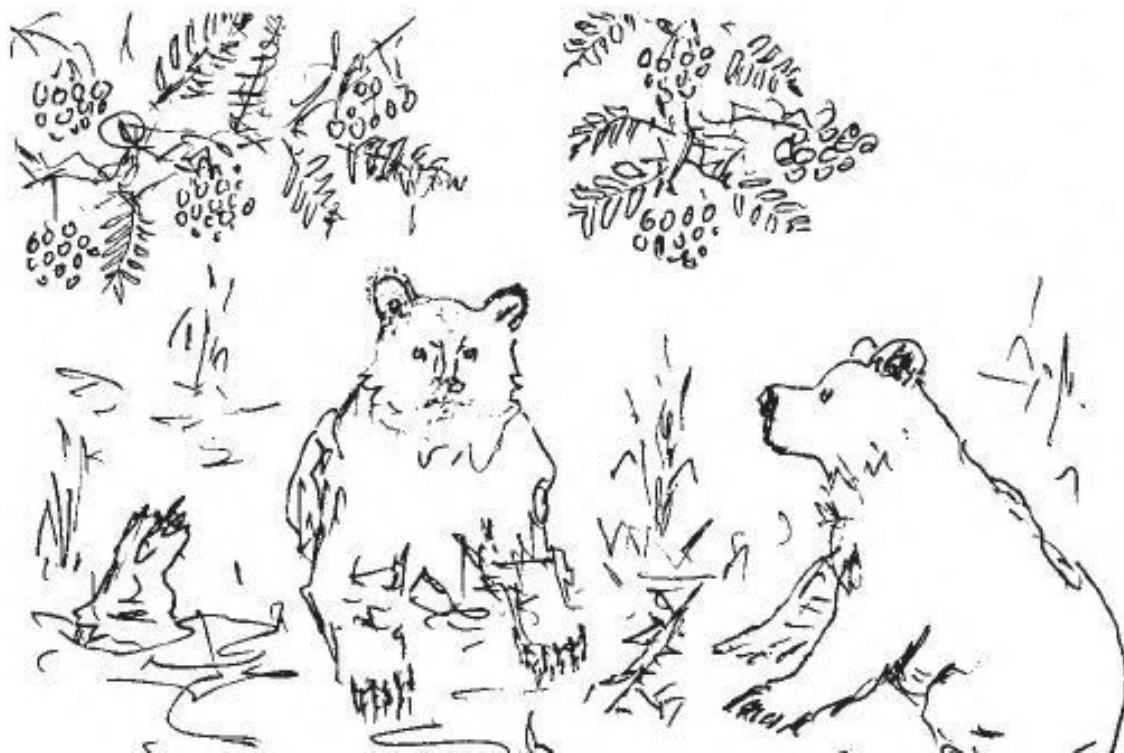
в зоопарке. О некоторых медвежатах-сиротах, об их жизни и жизни других лесных зверей я хочу рассказать в этой книжке. Я ничего не придумывал сам. Все что здесь написано я посмотрел во время своих скитаний по лесам.

І. Долгий лог

Это произошло в урочище Долгий Лог, на самой вершине Валдая. Бескрайние леса тянутся тут на многие километры. Тонкие, зарождающиеся в болотах, ручейки соединяют между собой небольшие лесные озера с чистой водой. Из озер текут ручьи полноводные, собираются в малые, а потом и в большие реки России. Долгий Лог лежит в стороне от проезжих дорог, и люди здесь появляются редко. Охотится в здешних местах Никита. Отец его и дед прожили тут всю свою жизнь. Страсть к охоте и умение понимать жизнь леса и диких зверей перенял Никита от своего отца, а отец – от своего отца, деда Никиты. Долгий Лог Никита по праву считал лучшим местом на земле, знал здесь все места и дарами леса пользовался рачительно: без надобности дерева не срубит, в зверя и птицу стрелять не станет.

Поздней осенью, в самом конце октября месяца, подул с севера холодный ветер. Вечером поднялся от земли серый туман и окутал старый лес. А ночью, вслед за ветром, пробрался в лес первый мороз. Рассвет при шёл неторопливо – густой ельник никак не хотел отпускать привычную темноту. К утру туман вымерз и повис на высохшей рыжей траве белыми кружевами инея. Под его тяжестью тонкие травинки пригнулись к самой земле. На лужицах образовалась тонкая корочка льда, а листья на деревьях мороз заледенил так, что они стали жесткими как картонка.

Все звери и птицы попрятались: боятся первого мороза. Чуть подует ветер – зашуршат-зачирикают заледеневшие от мороза листочки. А только наступит неосторожно зверь лесной на лужицу – хрустко затрещит тонкий ледок. Непривычные, новые звуки в лесу появились, вот и боязно зверям и птицам: нет ли какой беды от этих звуков?

Но вот взошло солнышко. Над лесом в чистом, прозрачном воздухе раскрылось высокое светло-голубое небо. Тонкие лучики света, пробиваясь сквозь густые кроны столетних елей, поползли по заиндевевшей траве ярко-жёлтыми зайчиками. От их тепла иней начал подтаивать и осыпаться на землю искрящейся серебром крошкой. Травинки освобождались от зябкой

тяжести, выпрямлялись, кивали макушками, как живые, подставляя солнечному свету раскрашенные тёплыми красками осени спинки.

К середине дня в лесу потеплело. Иней, ещё долго державшийся за траву в глубоких тенистых западинах, исчез. Листочки на деревьях оттаяли, подсохли и засветились яркими красками. К осени каждое деревце оделось в свой наряд. Берёзки нарядились в скромные жёлтые платица. У осины, на самом верху, листья окрасились в розоватый цвет, в середине – в жёлтый, а внизу так и остались зелёными, как летом. Ярче всех вырядился стоящий на открытой лесной поляне клён – он стал красным, так и горел на солнце горячим костром. Не изменили своего наряда толь ко ели. Плотными, тёмно-зелёными рядами стояли по краю опушки вековые деревья, как бы защищая от постороннего глаза таинственную жизнь лесных обитателей.

Ясная, солнечная погода простояла целую неделю. Радовались последнему перед зимой теплу звери. Но знали, что впереди их ждёт холодная зима, вот и не теряли времени даром, каждый по-своему готовился встретить зиму-матушку. Зажиревший к осени барсук старательно собирал в кучку подсохшие на солнышке листья, подгрёбал их лапами к норе, затаскивал в самую глубину и там делал из листьев мягкое и тёплое гнездо. Он будет спать в нём всю зиму, до самой весны. Рыжие белки сновали по лесу, то по дереву побегут, то на землю спустятся, скачут, шуршат опавшей листвой, выискивают в ней осыпавшиеся с лещины лесные орешки. Заяц сменил рыжую летнюю шёрстку на белую. Это он под снег вырядился, а снега ещё нет. Далеко в лесу его видно. Боязно зайцу, сидит под кустиком, от всех прячется. Врагов у зайца много: серый волк и рыжая лисица, быстрый ястреб и бесшумный ночной разбойник, гроза всей мелкой лесной живности – филин. От филина зайцу и ночью спастись непросто: филин ночью хорошо видит и слышит. Только зашуршат листики от пробежавшей мышки, как филин тут же точно определяет, где это место на земле находится. Мышей филин ловит редко – слишком мелкая для него добыча. А вот зайца и куницу не пропустит, цепко схватит своими острыми, как кинжалы, когтями.

У перелинявшего к зиме зайца вся шкурка становится белой, только глаза остаются чёрными, да самые кончики ушей. Выпадет снег, ляжет заяц в снежную ямку, лежит в ней днём без движения, снежным комочком кажется. А ночью оставляет заяц своё укрытие и идёт кормиться тонкими ивовыми веточками, протаптывает в снегу тропки. В случае опасности удирать ему по тропкам намного легче, чем прыгать по рыхлому снегу.

У края леса, на бугорке, разлеглась старая медведица, греет на солнышке то один бок, то другой. Год выдался урожайным: вдоволь было в лесу всяких ягод, желудей и орехов. Медведица накопила много жира. Шерсть у неё к зиме отросла, стала гладкой, так и переливается на солнце тёмно-бурыми бликами.

Прошлым летом в дальнем конце леса промчался смерч и повалил высокие деревья. Упали они друг на друга, и образовался лесной завал – ни пройти, ни проехать. Там присмотрела медведица себе место для берлоги и теперь терпеливо ждала, когда выпадет снег, чтобы уйти в завал зимовать. А пока грелась на солнышке, как бы прощаясь с ним на всю долгую зиму.

В конце ноября напоззли со всех сторон тёмные тучи. Стало холодно. С неба посыпалась мелкая ледяная крупа, отчего земля вначале стала грязно-серой, а потом выбелилась в светлое покрывало. Ночью пошёл снег, и к утру всё вокруг стало белым-бело.

На самом рассвете старая медведица встала со своей лежки и пошла туда, где выбрала себе место для берлоги. Там, где она прошла, остались на снегу тёмные, продавленные до самой земли следы. С неба сыпался мелкий снежок, и медведица знала: скоро он засыплет её след, и никто не узнает, куда она ушла спать. Но так случилось, что утром проходил по лесной тропке деревенский охотник Никита, высматривал, где какой зверь прошёл по первому снегу. Так он делал каждый год. Ещё до начала охоты считал по следам зверей и поэтому знал, сколько их живёт на его охотничьем участке. Никита, опытный таёжный охотник, определял, на кого можно охотиться, а кого из зверей и поберечь нужно, чтобы не стрелять тех, кого в лесу мало

осталось. Проходил он через поляну и увидел тёмные пятна – не успел снег засыпать следы медведицы. Вот и решил посмотреть, что это такое. Подошёл ближе и увидел медвежьи следы. Конечно, не знал Никита, что это следы медведицы. Подумал, что медведь одиночка пошёл к своей берлоге. Двинулся охотник по следу, решил посмотреть, куда это медведь пошёл спать. И привёл его след к лесному завалу. Кругом стояли высокие ёлки, а впереди все деревья были свалены ветром. Один на другом лежали толстые стволы, торчали вывернутые из земли крючковатые корни. Здесь, на открытом месте, снег уже присыпал след медведя, но охотник сумел рассмотреть, где след ушёл под поваленные деревья. Здесь, под завалом, и устроил медведь себе берлогу! Тихонько, чтобы не спугнуть медведя, повернулся Никита и ушёл домой. Решил до поры до времени никому про берлогу не рассказывать.

Осторожно подходил к завалу охотник, но слух у медведя очень тонкий. Старая медведица слышала шаги и знала, что так ходит только человек, и насторожилась. Удобная у неё была берлога, с тёплой подстилкой из листьев и мха. Жаль такую покидать. Но беспокойство не оставляло её, и ранним утром следующего дня она ушла. Мягкий снег продолжал медленно падать с неба и вскоре совсем засыпал следы ушедшей на новое место медведицы.

Новую берлогу она устроила под корнями поваленной ветром громадной ели. Дерево не упало на землю совсем, а зацепилось вершиной за другую ёлку, сильно накренилось и зависло. От этого корни ели не вырвались, а только приподнялись над землёй, отчего под ними образовалась удобная ниша. Здесь медведица начала строить себе новую берлогу. Сначала выкопала в нише ямку, обгрызла торчавшие с боков и мешавшие ей корни. Потом наломала с молодых ёлочек мягких лапок и аккуратно уложила их на дно ямки – устроила подстилку-ложе. Сверху нагребла на эту подстилку гнилушек, которые выгрызла из стоявшего рядом гнилого пня. Потопталась у входа, как бы раздумывая, что еще нужно сделать. Развернулась и полезла в берлогу задом наперед. Посидела в берлоге, устраиваясь поудобней. А потом высунулась из берлоги наполовину,хватила когистой лапой сначала одну, стоящую рядом тонкую елочку, потом другую, заломила и старательно прикрыла ими вход в берлогу.

Скоро пришла в лес настоящая зима, и всё вокруг засыпало снегом. Белой ватой повис он на ветках больших и маленьких деревьев, как бы прикрыв их одеяльцем, чтоб не промёрзли зимой. Занесло снегом и берлогу медведицы. Теперь и ветер в неё не задувал, и мороз под снег не пробирался. Тепло в медвежьей берлоге, уютно.

Белка превратилась к зиме из рыжей в серую, с мягким серебристым отливом. Весело скачет по веткам, только снег с них сыплется. Не страшна ей зима. В дупле старой осины у неё заготовлен целый склад лесных орешков. Все орешки ядрёные, один к одному. Ни пустых, ни гнилых нет. С самой осени старательно отбирала белка орешки и самые хорошие относила в дупло. Летом грибов-моховиков насушила, по всему лесу разве сила – запас на зиму сделала.

Но самая главная еда для белки зимой— еловые шишки. Растут они на самых верхушках ёлок, там, где больше солнечного света. Сорвёт белка шишку, усядется на сучок, шишку в передних лапках зажмёт и аккуратно вылузит из неё семена. Вкусные семена у еловой шишки, питательные. Бросит шишку вниз и за другую принимается. Сорвёт несколько шишек – вот и наелась. А внизу, под ёлкой, на которой она кормилась, шишки да чешуйки-крылышки от еловых семян валяются – беличья посорка, так называют это место охотники. Всем видно, что тут белка живёт.

Перед самым Новым годом пришла короткая оттепель, а вслед за ней опустился на лес крепкий мороз. Два дня висел лёгкий, искрящийся на солнце туман – это в воздухе вымерзала оставшаяся от тепла влага. Потом воздух стал прозрачным и чистым. Днём со светло-серого зимнего неба светило ярко-жёлтое холодное солнце. Далеко окрест был слышен всякий громкий звук. И даже сюда, в дальний край леса, где спала в берлоге медведица, из деревни иногда доносились звонкие голоса резвящихся на морозе ребятишек и лай собак. Звуки эти не беспокоили старую медведицу, она слышала их и раньше и знала, что они далеко и для неё не опасны.

Ночью светила круглая, белая луна. На синем от лунного света снегу высвечивались причудливые чёрные тени от деревьев, и лес от этого казался волшеббно-таинственным. Ночью мороз крепчал, и начинали трещать деревья. Если у дерева была трещина, то от осеннего дождя и мок рого снега затекала в трещины вода и замерзала там ледышкой. А в мороз лёд начинал расширяться, не выдерживало дерево его давления и гулко рвалось новой трещиной-морозобоиной, как будто кто из ружья стрелял! Эхо от таких «выстрелов» катилось далеко по лесу. Отсюда и появилось название «трескучие морозы»— значит, самые сильные.

Первая половина января в новом году выдалась особенно холодной. Мороз так заледенил всё вокруг, что казалось, нигде от него спасения нет. Но лесные звери и птицы умеют от мороза прятаться. Белка отсиживалась в тёплом, высланном изнутри сухими листьями и мхом гнезде-гайне. Гнездо она искусно сплела из тонких веточек ещё ранней осенью, заранее к зиме приготовилась. Похоже такое гайно на шар и висит высоко-высоко, в густых ветках больших елей. Густые еловые ветки надёжно укрывают гайно от снега сверху и от любопытного глаза снизу.

В самый полдень, когда мороз немного спадал, выскакивала белка из своего гнезда и быстро бежала по веткам от одного дерева к другому— разминалась и грелась. Потом спускалась вниз и прыгала по снегу, оставляя на нём забавные следы, такие, как будто кто-то два раза знак равенства поставил: один поменьше, а чуть впереди другой – побольше. Маленькие следочки, которые остаются сзади, когда белка прыгает, от передних лапок, а те, что побольше и впереди расположены, – от задних. Белка, когда прыгает, передними лапками об снег опирается, отталкивается, а задние при этом вперёд заскакивают. Побегает белочка, погрееется, поест, что найдёт, а не найдёт – так припасёнными орешками полакомится, и обратно в гнездо спрячется. Вот и не страшен ей мороз!

Маленькие звери – ласки, куницы и хорьки – кто в дупле, кто в лесных завалах, кто в норах прячутся. Тетерева, рябчики да глухари днём по лесу летают, а к ночи садятся на снег. Ночью в лесу самый крепкий мороз бывает. Птицы выкапывают в снегу норы, залезают туда, а вход снегом загребают. Морозу в такую нору никак не пробраться. Сидят они в снежных норах всю ночь, а утром пробивают снег, вылезают наружу и летят кормиться. Глухари хвою сосновую едят, а тетерева и рябчики почки да серёжки с берёзы и ивы обрывают.

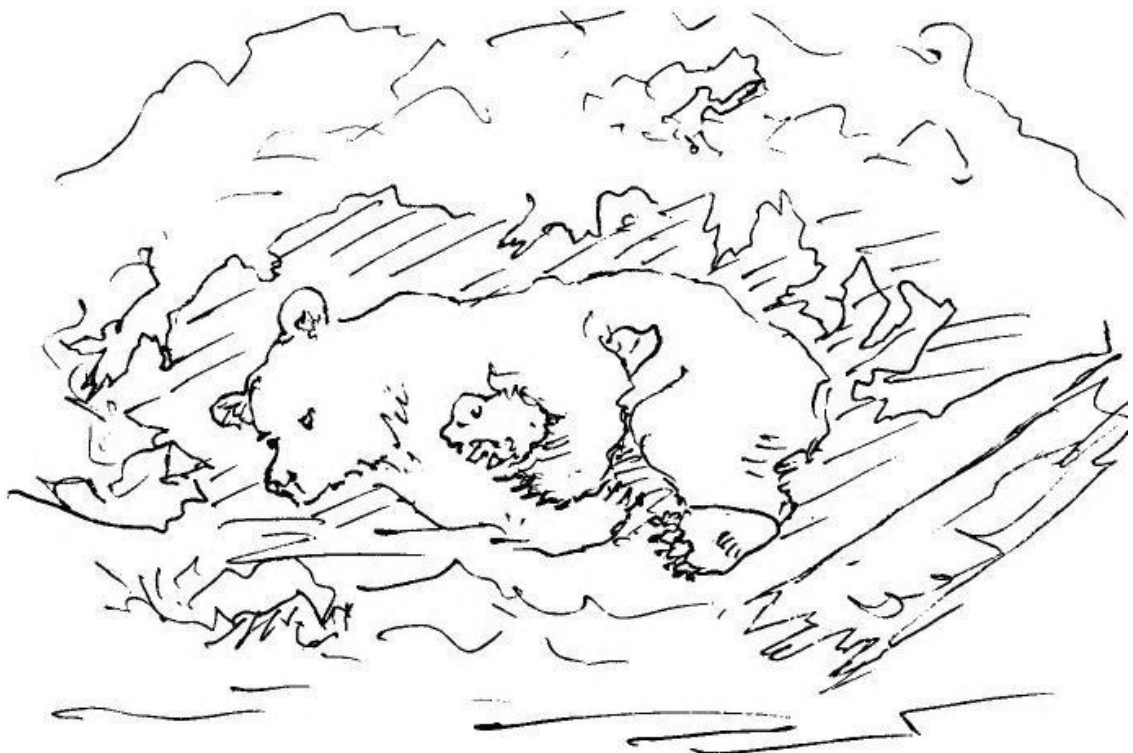
В середине января родились у медведицы два маленьких медвежонка. Большой зверь медведь, а детёныши у него родятся чуть больше рукавицы, весом в полкилограмма. Сквозь редкую и короткую шёрстку просвечивает розоватое тельце. Ушки маленькие, прижатые к головке, а дырочка в ухе закрыта. Глаза тоже закрыты, хвостик коротенький, едва его видно. Тянется медвежонок красным ротиком во все стороны, чмокает, хочет найти сосок у матери и молочка пососать. Медведица нежно взяла своего детёныша ртом за голову так, что вся голова медвежонка оказалась у неё во рту, и перенесла к себе под мышку. Потом взяла второго и положила рядом с первым. Соски у медведицы располагаются на груди, с каждой стороны по два рядом. К ним и подложила медведица своих деток. Полазали медвежата по груди матери и каждый нашёл себе сосок. Крепко присасываются медвежата к соскам медведицы. Попьют молочка, а за сосок держатся, так и спят, не выпуская его изо рта. На груди у матери, в густой шерсти, тепло, а пол в берлоге хоть и с подстилкой, но холодный. Если отцепится медвежонок от соска, может упасть на холодный пол и быстро замёрзнет. Как только станет сосок у спящего медвежонка изо рта выпадать, сразу просыпается детёныш и снова присасывается. Так всё время около соска и лежит, пока ещё маленький.

Молоко у медведицы жирное, густое. Немного нужно пососать медвежонку, чтобы насытиться. Но всю зиму лежит медведица в берлоге, ничего не ест и не пьёт, а молоко у неё вырабатывается из жира, который она накопила ещё осенью, так что его много не бывает. Потому и рождаются у неё детёныши маленькими-маленькими. Маленьким детёнышам молока нужно немного.

Три месяца должна медведица кормить своих детей в берлоге. За это время они вырастают в крепких и сильных зверушек. В конце марта, а чаще всего уже в апреле, когда в лесу появляются проталины, уходит семья медведей от берлоги. Но в тот год случилось так, что охотник рассказал своим друзьям о том, что нашёл в лесу медвежью берлогу. Сразу начали уговаривать его друзья, чтобы он им её показал. Долго не соглашался охотник, не хотел без особой нужды убивать могучего лесного зверя. Но друзья-охотники не давали ему прохода, и, наконец, он согласился.

Решили не откладывать охоту и в первые выходные дни выехать в лес за медведем. Из города пригласили богатого охотника к себе в компанию с условием, что он привезёт все нужные документы, которые разрешают проводить охоту на медведя. В России, и во всём мире на медведей можно охотиться только по разрешениям-лицензиям, которые выдаются специальными Управлениями охотничьего надзора.

Вскоре прибыл в деревню охотник из города с дорогим ружьём и с разрешением. С ним приехал на лёгком грузовичке охотовед и привёз с собой снегоход «Буран». Деревенские мужики запрягли в сани-розвальни гнедую лошадь, сложили в сани ружья и сами сели. И поехали охотники в лес: впереди на снегоходе охотовед с городским охотником, а сзади за ними трое деревенских в санях. С ними побежали две собаки-лайки. Сначала быстро ехали по укатанной лесной дороге, потом медленно поехали узким лесным просеком и остановились в том месте, где Никита знак подал. Лошадь отвели с просека в сторону и надёжно привязали к берёзе. Собак взяли на поводки. Все разобрали свои ружья, внимательно их проверили, зарядили и поставили на предохранители. Никита, как старший охотник, распорядился о том, чтобы все обязательно выполняли его команды. На медведя охота самая серьёзная и опасная, не всякий охотник решится пойти охотиться на берлоге.

Встали на лыжи и медленно, чтобы не шуметь, пошли за Никитой к лесному завалу. Подошли к тому месту, где медведь осенью под завал ушёл. Каждый из охотников встал там, где Никита рукой показал. Около берлоги разговаривать нельзя, а то медведь может неожиданно выскочить и убежать или на охотника броситься. Когда встали все, ружья при готовили,

Никита начал покрикивать, чтобы медведь испугался человеческого голоса и выскочил из берлоги. Сначала негромко покрикивал, потом стал кричать громко, во весь голос, но медведь из-под завала не выходил. Пустили к берлоге собак. Собаки побегали взад-вперёд, берлогу понюхали и к Никите, к хозяину, подошли. Догадались охотники, что медведя в берлоге нет, ушёл давным-давно, никакого следа не оставил. Постояли, посудачили и восвояси поехали назад в деревню.

А медведица, хоть и далеко отошла от первой берлоги, слышала, как кричали в том месте люди. Все лесные звери очень точно определяют место, откуда доносятся до них звуки. Поняла она, что не напрасно ушла от старой берлоги, где ей грозила неминуемая гибель.

Несколько дней медведица настороженно прислушивалась к лесной тишине, беспокойно ворочалась в берлоге. Малыши-медвежатки от этого то на один бок скатятся, то на другой, пищат, как бы просят мать обходиться с ними поосторожней. И действительно, слыша голоса своих деток, медведица успокаивалась, забирала их к себе на живот и осторожно, чтобы не придавить ненароком, прижимала к тёплому телу огромными лапами.

Прошло несколько дней, медведица совсем забыла о случившемся, как вдруг услышала звонкий лай собаки. А спустя немного времени прозвучал громкий ружейный выстрел. Потом всё стихло, но медведица насторожилась, всё тело у неё напряглось, она чутко прислушивалась ко всякому звуку.

А это вышел в лес со своими верными собаками Никита-охотник. Ходил он на лыжах по лесу знакомыми тропами, охотился на белок. Снег был уже такой глубокий, что собаки не могли долго ходить по лесу сами, проваливались в рыхлый снег и быстро уставали. Поэтому шли они за Никитой по лыжне. Как только Никита увидит под ёлкой нашелушенные шишки, которыми белка кормилась, так и пускает туда собак, чтобы белку искали. Собаки нюхали посорку, задирали вверх головы, смотрели и слушали: нет ли где затаившегося зверька? Если белку не находили, то возвращались к хозяину, становились на лыжню позади Никиты, и охотник шёл дальше, высматривал новую беличью посорку. А как находили собаки белку, начинали звонко лаять. Подходил Никита, высматривал зверька и стрелял из своего старого, надёжного ружья. Дома Никита-охотник обрабатывал шкурки добытых зверьков, сушил, а потом продавал в специальный магазин, где на вырученные деньги покупал продукты и провиант для охоты. Тем и содержал семью.

Вышло в тот раз так, что пошёл Никита в ту сторону, где лежала медведица. Лежит та в берлоге и слышит подозрительный скрип, вовсе не такой, как скрипят старые сухие деревья в лесу в ветреную погоду. Да и ветра совсем не было – стояло раннее, морозное утро яркого январского дня. А это скрипели подмёрзшие юксы на лыжах Никиты. Никита ходил в лес на широких лыжах, которые делал сам. Лыжные крепления-юксы делал из сыромятной кожи. Обутки Никита тоже шил для себя сам, из выделанной лосиной кожи. Удобные и теплые. Мягкие крепления-юксы не надавливали ногу, хорошо держались на самодельной, сшитой по ноге обуви. Целый день можно ходить без усталости.

И нужно было так случиться, что белка кормилась на ёлке рядом с берлогой! Насорила там лузгой от шишек. Пустил Никита собак к тому месту, а те не слушают его, лезут по снегу в другую сторону. Не сразу догадался Никита, что это с собаками случилось, строго прикрикнул на них. Но напрасно! Причужали собаки медвежий запах, запрыгали по глубокому снегу и подскочили к самой берлоге. Медведица накануне беспокойно ворочалась в берлоге, вот и натрясла своей шерстью – запах далеко распространился по лесу. Подскочили собаки к берлоге и залились азартным, злым лаем. Не выдержала медведица, – так много ей пришлось переволноваться в эту зиму, – выскочила из берлоги прямо на собак! Смяла первую, утопила в снегу и бросилась наутёк.

Никита, как только увидел, что собаки лают под еловый выворот, сразу догадался, что там берлога. Встал за ствол толстой ёлки, чтобы перезарядить ружьё патронами с нулями: вдруг медведь на собак или на него бросится! А заряжено у него ружьё было патронами с мелкой дробью, для охоты на белок.

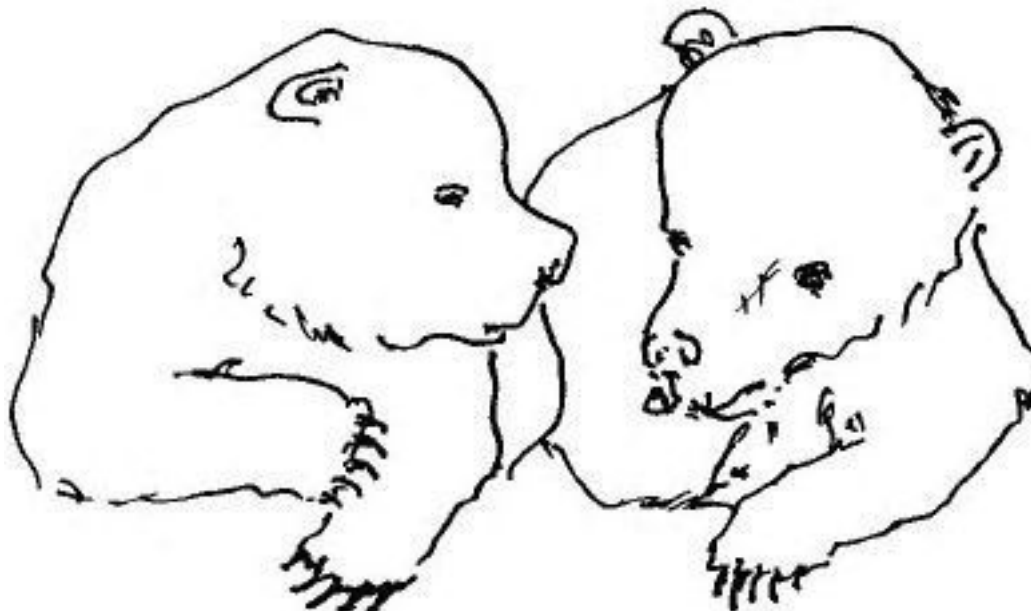
Но ничего не успел сделать, так быстро всё случилось. Затапанная медведицей в снег собака жалобно скулила, а другая убежала вслед за зверем. Подошёл Никита к собаке, вытащил её из глубокого снега, смотрит, нет ли где раны? Раны не увидел, значит, скулила собака от страха – так напугалась медведя. Отодвинул собаку в сторону и решил посмотреть, как берлога у медведя была устроена. Глянул – а там медвежата маленькие, сжались в комочек, трясутся от страха.

Понял Никита, что в берлоге лежала медведица, тот самый «медведь», на которого охотились в начале зимы. Перекрестился охотник и поблагодарил судьбу за то, что не убили её тогда заезжие охотники. Старый охотник знал, если увидит медведица человека, то убежит без оглядки, бросит своих детей и обратно в берлогу уже не вернётся. Если не забрать детенышей, они быстро на холоде околеют. Осторожно вытащил медвежат из берлоги да за пазуху положил. Медвежатки маленькие, тёплые, размером чуть больше ладони.

Развернул Никита лыжи да быстрее домой побежал. Медвежата за пазухой пригрелись, лежат тихо, только и слышно, как сопят носами. Одна собака, та, которую медведица подмяла,

сзади идёт, похрамывает: придавила ей лапу медведица, когда выскакивала из берлоги. Другая собака уже на дороге догнала.

Пришел домой Никита, первым делом медвежат в тёплую тряпицу закутал, в корзиночку положил и поближе к печке, к теплу, поставил. Жена Никиты – светловолосая, не по годам быстрая женщина – захлопотала, заохала от случившейся беды, напустилась на мужа, что медведицу загубил. С трудом успокоил Никита жену, объяснил, что ненароком выгнал медведицу из берлоги, а по медведице и не стрелял вовсе.

Была у Никиты на подворье своя корова, но хозяйка вспомнила, что соседи коз держат. Пошла она к ним за козьим молоком. Для малых деток козьё молоко полезней коровьёго, значит, и медвежатам оно лучше коровьёго будет. А Никита тем временем собак по будкам рассадил и накормил.

В самую полночь показалось супругам, будто в избе ребёнок плачет. Оказалось, что это медвежата проголодались, проснулись и кричат тоненькими голосами, есть просят. Взял Никита одного медвежонка, поднёс поближе к свету, чтобы рассмотреть получше. Глазки у медвежонка закрыты, маленькие розоватые ушки прижаты к лобастой головке. Короткая чёрно-бурая шёрстка на спинке густая, а на животике совсем редкая, и розоватая кожа через нее просвечивает. А медвежонок, как только его в руки Никита взял, стал тыкаться мордочкой во все стороны. Несмышленный ещё, не понимает, что к человеку попал, – сосок ищет. Положил Никита медвежонка обратно в корзинку, другого брать не стал, чтобы не беспокоить понапрасну. Жена ещё с вечера приготовила и молочко козьё, и бутылочку с соской. Теперь подогрела молоко, в бутылочку налила и соску приладила. Взял Никита бутылочку и медвежонку в корзиночке под самую мордочку подсунил. Медвежонок быстро освоился, взял соску в рот и начал сосать.

Тут другой медвежонок услышал, как первый сосёт, и начал кричать громко, лазать по корзинке и по первому медвежонку. Никите ничего другого не оставалось, как взять медвежонка из корзинки и покормить у себя на коленях. Скормил зверьку немного молочка и убрал бутылочку. А медвежонок кричит, ещё хочет. Но только Никита ему больше не дал сосать: знал, что медвежата должны сначала привыкнуть к новому для них молоку, иначе у них могут сильно заболеть животики. Потом, так же, как и первого, покормил второго медвежонка. Кор-

зинку опять к печке поста вил. Медвежата повозились немного, прошуршали в корзине, пригались у печки и затихли: значит, заснули.

Три дня продержал Никита медвежат в своей избе. В воскресенье ехал в город на рынок на своей машине сосед. Попросил Никита взять его с собой. Корзинку с медвежатами в шубу закутал, чтобы не замерзли по дороге. В городе отнёс медвежат в охотничье общество, к Охотоведу. Тот внимательно выслушал историю, что приключилась с Никитой в тайге, забрал медвежат-сироток и обещал их устроить. Знал он, что есть в заповедном лесу специальная биологическая станция, где выращивают медвежат, которые стали сиротами.

II. Биологическая станция «Чистый лес»

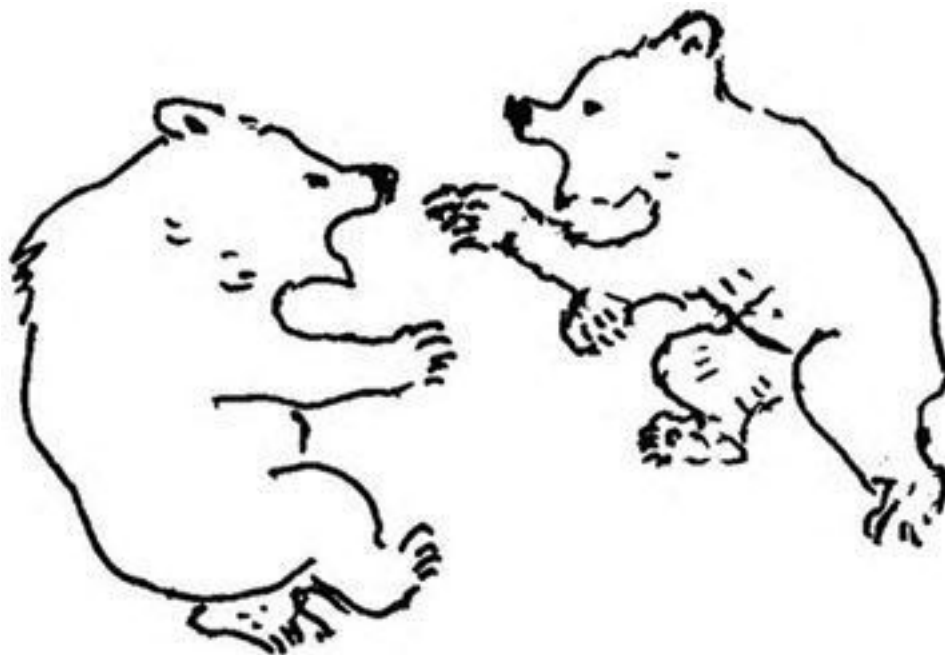
По разным причинам могут остаться медвежата сиротами. Бывает, работают лесорубы в лесу, большие деревья валят, потом трактором их таскают, много от их работы в лесу шума. А если случится так, что начинают работать близко от берлоги, то медведица не выдерживает такого соседства и убегает. Если увидят лесорубы медвежат в берлоге, сразу забирают, не дают им замёрзнуть. Медвежат-сирот потом в Управление охотничьего хозяйства отвозят или на биологическую станцию «Чистый лес» передают, если знают про неё. Но чаще всего попадают к людям медвежата после охоты на берлоге. Не знают охотники, что в берлоге лежит медведица: ведь родит она медвежат в середине зимы. Выскакивает из берлоги медведь, убивают его охотники, а потом оказывается, что это была медведица, и остались от неё детки-сиротки.

Разузнал Охотовед про дорогу на биологическую станцию, поставил корзинку с медвежатами в машину и поехал. Сначала по большой, широкой дороге ехал, где все машины ходят. Потом по узкой, просёлочной, пока не выехал на лесную, которая тянулась через светлый, засыпанный снегом сосновый бор. С трудом пробился через снежные надувы и выехал к высокому дому. На печной трубе дома флюгер поставлен, на котором два железных медвежонка на задних лапах стоят, на ветру поворачиваются, будто играют. Сразу догадался Охотовед, что в нужное место при ехал.

Выключил машину, вышел из неё и удивился: вокруг стояла глубокая тишина. Не было слышно привычных гудков автомобилей, далёкого грохота электричек, шумов, которые сопровождают человека везде, где он живет. От такой тишины казалось, что даже воздух остановился, и висит в нём чуть слышный тонкий звон.

Вокруг лежал чистый, белый-белый снег. У самого крыльца росли стройные сосны, а чуть поодаль, ближе к лесу, стояли берёзки. Ветки белокорых деревьев были сплошь покрыты удивительным по красоте густым кружевом серебряного инея. А дальше стоял строгий, тёмный даже зимой еловый лес. Но тут вдруг откуда-то снизу, от сарая, залаяла собака – и тишина распалась...

Заслышав машину, я быстро надел валенки и вышел на крыльцо. У порога стоя крепкий с виду, коренастый мужчина в светлом меховом куртке, держал в руках плетеную корзинку и широко улыбался. «А я вам медвежат привез, принимайте» – сказал он и протянул мне корзинку. Я попросил его подождать минуту, быстро оделся, и мы понесли корзинку в лабораторию. По дороге познакомились. Николай, так звали охотоведа, окончил институт в Кирове и уже 10 лет работал в одном из районов в нашей области. В лаборатории осмотрели медвежат и посадили в один из ящичков, специально сделанных для их содержания. В другом таком ящичке уже сидели три медвежонка. Охотовед начал расспрашивать, откуда попали эти медвежата на станцию? Я рассказал ему их историю, а Николай поведал, откуда медвежата-сироты появились у него. Позже я отыскал Никиту-охотника, от него и узнал историю, о которой рассказал в самом начале этой книги.

А первых медвежат в тот год привез мне знакомый лесник, из соседнего лесхоза. Попали они к нему особым образом. Как-то ранним, морозным утром, когда на дворе было ещё совсем темно, кто-то громко постучал к нему в дверь. Жил лесник в лесу, в стороне от деревни, и не сразу вышел на крыльцо. Подумал: может, лихие люди стучат к нему в такую рань. Зарядил ружьё и тихонько выглянул за дверь. В избу сразу морозный пар ворвался, такая в ту пору стояла стужа. Никого за дверью не увидел и хотел было побыстрее её закрыть, да услышал слабый писк на ступеньках. Протянул руку – мешок нащупал, а в мешке кто-то шевельнулся.

Догадался лесник, что к нему на крыльцо какого-то зверька подкинули. Выругался про себя на злых людей, которые на таком морозе живое существо бросили: ведь он мог и не выйти на крыльцо так скоро. Людей, бросивших мешок, уже и след простыл: дорога недалеко, на машине уехали. Забрал мешок, плотно прикрыл дверь, чтобы мороз в дом не забрался, а мешок в дом занёс и на лавку положил. Оказался это обычный старенький солдатский вещмешок. Лежит на лавке, чуть-чуть шевелит боками. Развязал лесник мешок, а там три маленьких медвежонка – медленно ворочаются, ротки открывают, а кричать уже не могут: застыли сильно.

Позвал жену, чтобы помогла детёнышей отогреть побыстрее: знал, что такие малютки могут простудиться и погибнуть. Стали они греть полотенца и ими детёнышей обворачивать. Целый час хлопотали, пока те не стали тёплыми, задвигались и запищали.

Как только отогрели медвежат, запряг лесник лошадь, завернул малышей в тулуп и повёз на Биостанцию, которая, по счастью, располагалась недалеко от его деревни. Отдал медвежат, вернулся домой и сразу пошёл в лес.

Родился лесник на кордоне, вырос в лесу и был опытным следопытом. По следам на снегу, как по книге, прочитал все, что там случилось. Оказалось, что приезжали охотники-браконьеры, ходили с собакой по следам за лосем, хотели его убить. Но собака нашла берлогу медведя. Там долго лаяла: вокруг берлоги много следов собачьих натоптано. Браконьеры выгнали медведя длинным шестом, которым тыкали в берлогу. Рядом с берлогой и шест валялся. Оказалась в берлоге медведица, ее и убили, а в берлоге остались лежать сиротами три медвежонка. Медведицу разделали – разрубили на части – и на дорогу к машине вытащили. В снегу целую трону натоптали. Вокруг тропы на снегу кровь разбрызгана. Бросить медвежат на погибель не решились – вот и подкинули детёнышей леснику на крыльцо, а сами уехали.

Лесник, как из леса пришел, всё, что там увидел, по телефону на Биостанцию передал. Я сразу позвонил в город, в милицию, но браконьеров задержать не удалось. Так на станции появились три детёныша бурого медведя, такие же маленькие, как и те, которых привёз Николай.

К вечеру неожиданно разыгралась пурга. Завыл ветер, повалил мелкий, как песок, снег. Лес загудел тревожно и натужно, закрипели, заохали на все голоса деревья. Порывы ветра налетали на густые верхушки высоченных елей и гнули их так, что казалось, ещё немного, и они не выдержат, сломаются. Ветер срывал намерзшие на ветки шапки снега, разрывал их и тащил по лесу седой пылью и снежным крошевом.

Ёлки свистели хвоей, гнулись всем стволом, но как только ветер ослабевал, гордо выпрямлялись, как бы готовясь к тому, чтобы стойко выдержать очередной безжалостный удар стихии. Но иногда падало поверженное ветром дерево. Вырванное с корнем оно падало, ломало

сучья и со всего маха ударялось тяжёлым телом о землю, как бы в последний раз возвещая о своём существовании.

Каждый ураган собирает в лесу свою дань. На месте упавших деревьев снова вырастет стройный лес, но произойдет это не скоро – деревья растут целый век.

Пурга перемела дорогу так, что и пешком не пройти, а на машине и подавно не проехать. Пришлось охотоведу заночевать на Биостанции. Попросил он рассказать историю, как эта станция образовалась в лесу, в глухой деревне, где живут только те люди, которые работают с медведя ми. Я пообещал ему это сделать, как только выполню свою обычную вечернюю работу по хозяйству: принесу дров, воды из колодца, очищу с тропинки напавший снег и управлюсь с кормлением медвежат. А жена сделает свои дела и составит нам компанию за разговором: зимой в нашем доме гости бывают редко.

Наступила ночь. В доме разожгли камин. Весёлый огонь побежал по сухим берёзовым чуркам, поджигая всё новые поленья, и от камина пошло живое тепло открытого огня.

Все жители дома разместились на старом ковре напротив камина. Кто сел прямо на пол, кто на низкие стульчики, стоявшие здесь же, рядом. В комнате выключили электрический свет и зажгли две восковых свечи, отчего воцарился полумрак. По углам метались загадочные тени, порождаемые мерцанием языков пламени в камине. Ветер утробно гудел в каминной трубе, хлётко бросал в окно колючий снег и завывал у стен дома так, как будто пытался сдвинуть его с места. В такую непогоду тепло деревянного дома и ровный огонь жаркого камина создают особый уют, располагают к беседе. И я поведал о том, как была организована Торопецкая биологическая станция «Чистый лес» и откуда она получила свое название.

Много лет тому назад в Центрально-лесном государственном природном заповеднике мы со Светланой, моей супругой, начали изучать жизнь бурых медведей и многое о них узнали. Но учёным почти ничего не было известно о том, как растут и развиваются медвежата в дикой природе. В берлогу к медведице не заглянешь, да и после выхода семьи медведей из берлоги к ним не подойдёшь. Медведица-мать охраняет детёнышей, и присутствие человека рядом с собой не потерпит.

Заповеднику помог случай. Работой с медведями заинтересовался профессор Московского государственного университета Леонид Викторович Крушинский, занимавшийся изучением поведения животных. Он предложил провести в Заповеднике интересный опыт.

Нужно было поймать маленьких медвежат ранней весной, сразу после того, как медведица выходит с ними из берлоги. После этого, около медвежат должен находиться только один человек, который будет за ними ухаживать, ходить с ними в лес и всё, что будут делать медвежата, записывать в дневник. Этот человек должен охранять медвежат от возможной опасности, как бы заменяя им мать. Для маленьких медвежат могут представлять опасность такие звери как медведь, волк, кабан, лось и даже лисица.

Было известно, что в природе медведица кормит своих детёнышей молоком до конца июля. Но никто по-настоящему не знал о том, как медвежата сами приспособляются к жизни в дикой природе. Считали, что медведица-мать терпеливо обучает их всему тому, что может делать сама: и корм добывать, и зиму в берлоге зимовать. Вот и нужно было узнать, смогут ли медвежата сами научиться разыскивать для себя корма в лесу, если их не будет обучать мать. Как они будут приспособляться к жизни в лесу без неё? За одно лето и осень в присутствии человека они должны обучиться находить себе корм, ориентироваться на местности, прятаться от врагов, находить такие места, где смогут спокойно отдохнуть. Наконец, они должны научиться делать такую берлогу, чтобы не замерзнуть в ней зимой. Ведь в первую зиму после своего рождения медвежата ложатся в берлогу с медведицей, с которой, конечно, спать теплее. Если подопытные медвежата благополучно переживут в лесу зиму, как они смогут прожить без матери весной? Чем будут питаться в это время? Если медвежатам не удастся самостоятельно приспособиться к жизни в лесу, что можно будет сделать, чтобы научить их такой жизни? Сможет ли человек, хорошо знающий лес, обучить медвежат выживанию в дикой природе?

Вопросов было много. Эксперимент с медвежатами представлялся очень интересным, требовал специальной подготовки, и профессор согласился руководить этой работой.

В дикой природе, в центральной части европейской России, медведи ца выводит медвежат из берлоги в начале апреля и ходит с ними всё лето и осень. Перед выпадением снега она строит берлогу и вместе с медвежатами, возраст которых к этому времени составляет десять месяцев, ложится в неё спать. После зимовки семья выходит из берлоги ранней весной и держится вместе до конца мая или начала июня. В мае в лесу прорастает много травы, и медвежата уже могут прокормиться. Когда в шоне у медведей начинаются свадьбы, медведица приходит на то место где может встретиться с самцом. Если медвежата зачуют запах медведя самца, то в страхе убегают, так как сильно его боятся. И поделом – самец может напасть на них и убить. А медведица остаётся с самцом и живёт с ним несколько дней вместе. Поневоле медвежатам приходится начинать самостоятельную жизнь. В это время их возраст составляет полтора года.

Как будут вести себя детёныши медведя в лесу рядом с человеком – никто не знал. При работе с медвежатами нельзя было разговаривать, обучать их находить корм, играть с ними и трогать руками. Также не разрешалось и медвежатам трогать человека. Иными словами, нужно было создать особую «семью», в которой медвежата будут предоставлены сами себе и, в то же время, будут оставаться под присмотром человека.

Имея опыт таежной жизни, я с энтузиазмом взялся за выполнение этой новой работы. Вначале потребовалось получить дополнительное образование в области изучения поведения животных. Леонид Викторович предложил пройти краткий курс обучения в его лаборатории. Напряженная учеба в Университете оказалась главной школой, которая позволила в последующие годы выполнить непростую работу по изучению развития поведения у бурого медведя. Для работы нужно было поймать только что вышедших из берлоги медвежат. Опыт отлова медвежат у меня был: в Приморье мне приходилось участвовать в отлове трех медвежат гималайского медведя, и способ отлова я хорошо себе представлял.

Но все обошлось гораздо удачней. В мои руки попали три медвежонка в тот самый период, когда медведица уже должна была выводить их из берлоги. Случилось так, что в конце марта я наблюдал за берлогой, в которой лежала медведица с медвежатами. За километр от берлоги у меня стояла палатка, в которой я жил. А в лесу, недалеко от берлоги в снегу была выкопана ямка, закрытая со стороны берлоги еловыми ветками. Я приходил сюда на лыжах каждое утро, наблюдал за берлогой в бинокль. К вечеру уходил к себе в палатку, ужинал и ложился спать.

Я уже много знал о медведях. Теперь, наблюдая за берлогой, я мог более полно представить себе, что там происходит. Пока медвежата маленькие, хлопот у медведицы немного: пососут молока и спят на её теле, каждый у своего соска. Теперь же подросшие медвежата устраивали в берлоге активную возню: тузили друг друга, боролись, лазали по медведице, цеплялись за её морду, за уши. Особенно они досаждали матери, когда она их кормила. Молока у медведицы немного, и детёныши его быстро высасывали, а потом начинали лазать по животу, отталкивать друг друга от сосков, царапались, рычали, и медведица не выдерживала их борьбы, переворачивалась на живот. Медвежатам ничего другого не оставалось, как размещаться рядом с матерью на холодном полу берлоги.

Холодная процедура действовала на них успокаивающе, и они сразу прекращали борьбу. Это повторялось несколько раз в день. Таким образом, медвежата проходили своеобразную закалку, которая должна была им пригодиться уже в первые дни после того, как семья медведей выйдет из берлоги. Ведь в конце марта и в первой половине апреля, когда медведица выводит своих детёнышей из берлоги, в лесу ещё лежит снег, а на проталинах стоят лужицы с ледяной водой.

В ясную погоду медведица медленно выползала из своего логова и ложилась рядом с берлогой на снег. Она подслеповато щурилась от яркого солнца, поворачивала голову то в одну сторону, то в другую, задирала её вверх, нюхала свежий весенний ветер.

Медвежата ни разу не показались из берлоги. Они видели лежащую рядом мать, но не решались вылезти из привычной темноты на яркий солнечный свет.

В последние дни марта, в снежную, ветреную погоду, медведица вдруг выскочила из берлоги и бросилась к скрадку. Наверное, ветер нанёс на неё запах человека, и медведица не выдержала моего присутствия около берлоги. Она подбежала совсем близко, но напасть не решилась: страх перед человеком оказался сильнее её ярости. Испугавшись, медведица ушла

от берлоги, оставив медвежат. Что я пережил в эти мгновения объяснить трудно, но испугаться не успел, так быстро все произошло.

Так в Заповеднике появились три детёныша бурого медведя в возрасте около трёх месяцев. Я начал работать с ними по программе, которую составил вместе с профессором еще зимой. Ходил с ними по лесу весной, летом, осенью и в предзимнюю пору и провёл наблюдения на следующую весну, после того как медвежата вышли из берлоги после зимовки. Работа с этими медвежатами продолжалась два с половиной года. За это время удалось узнать много нового. Оказалось, что медвежата-сироты могут сами, без матери, научиться всему тому, что позволяет им нормально жить в дикой природе. Новость эта вызвала споры среди ученых, такое поведение у медвежат и сейчас ещё остается непонятным многим людям.

Бурый медведь – животное умное. Этот крупный хищный зверь питается в основном растительной пищей: травой, листьями многих деревьев, кореньями, ягодами и орехами. Но если ему повезёт, то он не упустит случая напасть на лося или кабана, а иногда «ломает» и домашний скот: коров, овец и даже лошадей, громит пасеки, поскольку очень любит мёд. Не случайно во все времена крестьяне считали медведя своим врагом и старались от него избавиться. Строили в лесу специальные ловушки из брёвен – кулёмы, щемихи; ставили на медвежьих тропах пудовые капканы, хитроумные заступы. При всяком удобном случае стреляли по медведю из ружья.

Значит, чтобы выжить на воле, бурый медведь должен очень бояться человека и кормиться той пищей, которую найдёт для себя в лесу. Кроме того, нужно научиться распознавать запахи и звуки— опасные и не опасные, находить нужную дорогу, суметь убежать от крупного зверя, который может напасть на молодого медведя. Поэтому, люди думали и сейчас думают, что медвежата обязательно должны учиться лесной жизни у своей матери, а медведица-мать терпеливо и настойчиво занимается их обучением.

Эксперимент, проведенный с медвежатами-сиротами, показал, что медвежата способны без матери приспособиваться к жизни в дикой природе. Для этого нужно только, чтобы несколько медвежат жили вместе вдали от человеческого жилья. Ходили в лес и не получали еду от людей после того, как подрастут. Медвежата очень общительные и им обязательно нужны контакты друг с другом. Поэтому, выращивать одного медвежонка, для того чтобы потом выпустить его на свободу, никак нельзя. Он будет стремиться к общению с человеком и не сможет вырасти диким зверем.

Маленькие медвежата, конечно, нуждаются в защите, и человек, который ходит с ними по лесу, представляется им большим и сильным существом, которое может защитить их от опасностей. Он становится членом их группы и как бы заменяет им мать. Медвежата запоминают запах этого человека. Оказывается, каждый человек на земле имеет свой, только ему присущий запах. Звери, которые способны различать тонкие запахи, звери-макросматики, умеют это определять: например, собаки, волки, медведи и многие другие.

Медвежата привыкли к моему запаху, тогда как запах других людей вызывал у них страх. Значит, после выпуска на волю они должны бояться людей. И что еще оказалось особенно важным в первой работе с медвежатами-сиротами, так это то, что они сами, без всякого научения построили берлогу, как только начались морозы и выпал первый лёгкий снежок! Вот тогда и появилась надежда на то, что медвежат-сирот, которые попадают в руки человека в раннем возрасте, можно вернуть обратно в дикую природу.

Работа по изучению жизни взрослых медведей и развитию медвежат в возрасте до двух лет в Заповеднике была выполнена. Но в Заповеднике не проводится охота, не рубят лес, не занимаются сельским хозяйством, территория Заповедника особо охраняется. В Заповеднике было легко выращивать медвежат, потому что можно было много дней ходить с ними по лесу, в котором нет людей. Как поведут себя подрастающие медвежата-сироты там, где по лесу ходят люди, никто не знал. Выяснилось также, что поведение у взрослых медведей в заповедном лесу совсем не такое, как в тех лесах, где ходят и работают люди, и где на медведей проводится

охота. Мы решили провести такой же опыт с медвежатами в обычном, не заповедном лесу. Тогда по поведению подрастающих медвежат можно будет узнать, как они будут относиться к запаху «чужих» людей. Если будут бояться людей и убегать от них, как они делали это в Заповеднике, то таких медвежат можно смело выпускать на волю. Медвежата не пойдут к человеческому жилью и смогут начать самостоятельную жизнь. А если не будут бояться людей, то не смогут жить в дикой природе и придут к человеческому жилью. Тогда их нужно будет отловить и посадить в клетку, или их убьют. Таких медвежат выпускать на волю нельзя.

Шесть долгих лет я ездил по Тверской области, искал нужное место для организации Биостанции. Вместе со мной в экспедициях участвовали ученые из Заповедника и Всесоюзного Института охраны природы. Каждая экспедиция приносила много нового о жизни медведей на Валдае – удивительном творении природы, крае озёр, холмов, лесов и болот. Но нужного места всё не находилось.

Уже совсем отчаялись его отыскать, но я решил еще раз съездить вдвоем с женой в Торопецкий район, понравившийся нам своей дикой природой в прошлую экспедицию. Проехали по дорогам и собрались было совсем уезжать, когда встретили у дороги пастуха, который пас совхозных коров. Когда мы ему рассказали о том, что ищем в здешних краях, он быстро подошёл к машине и начал горячо говорить. Сказал, что знает именно такое место, – это деревня, в которой он родился и вырос. Деревня стоит совсем недалеко от дороги, и там теперь никто не живёт. Все давно уехали. Видно было, что родная деревня для этого человека была и осталась самым замечательным местом на Земле. Пастух так ярко, так красочно описал окрестности своей деревни, что решено было обязательно туда захватить.

Через месяц такая возможность представилась. Проехать в деревню оказалось непросто. Два километра пробирались по лесной дороге, с хрустом переезжали уже покрывшиеся крепким льдом лужи, разрубили и убрали лежавшее поперёк дороги дерево. Но когда подъехали к ручью, через который был проложен старый деревянный мостик, решили не рисковать ковать машиной – от её тяжести он мог провалиться – и дальше пошли пешком. Через небольшой лесок вышли на крутой бугор и сразу увидели деревню: на следующем пригорке виднелось несколько деревянных домов. Стояла поздняя осень, было уже холодно, но из труб домов нигде не курился дымок. От этого казалось, что жизнь здесь совсем остановилась.

Потом выяснилось, что в двух домах ещё живут пожилые люди, не пожелавшие, несмотря ни на какие невзгоды, покинуть родные места. Русские печи, по сложившейся в здешних местах традиции, они протапливали рано утром. Потому и не было видно дыма – стоял полдень.

От них узнали, что деревня имеет звонкое название Бубоницы, и во все стороны от неё простираются леса. Походили по лесам рядом с деревней и увидели, что тут живут медведи, а также другие звери и птицы, населяющие леса Валдая. К деревне ещё тянулись провода на старых деревянных столбах, стоял и работал такой же старый трансформатор, и это было очень важно: современная жизнь и научная работа без электричества просто невозможны.

Деревня Бубоницы и её окрестности оказались как раз тем местом, которое мы так долго искали. Здесь можно было организовать биологическую станцию и начать изучение жизни медведей в неохранных лесах, а также продолжить работу с медвежатами-сиротами.

Для жилья выбрали и отремонтировали один из оставшихся домов, поселились в нём и начали работу. Собирали сведения о жизни отдельных растений и животных по заданию Заповедника. Московский профессор Александр Михайлович Степанов приехал в Бубоницы с группой специалистов и установил, что леса, поля и озёра в здешних местах чисты от всяких загрязнителей, которые встречаются вблизи городов.

А ещё недалеко от деревни Бубоницы располагалась очень старая деревня Чистое, ещё пятьсот лет назад бывшая богатой усадьбой бояр Челищевых. Деревню в то время украшал деревянный Покровский храм. Конечно, со временем он разрушился, но на его месте построили красивую кирпичную церковь, которая сохранилась до наших дней. Рядом с деревней, в

низине, лежало озеро с таким же названием. В озере Чистом была удивительно светлая, прозрачная вода. Чистая природа, чистая вода, само название озера и старинного погоста явились причиной, определившей название Биостанции – «Чистый лес».

К утру пурга стихла. Небо очистилось. Из-за леса вышло солнце, которое после хмурой метели казалось особенно ярким. Вокруг лежали искристые, ослепительно-белые, с голубоватыми тенями, сугробы.

Светлому дню обрадовались птицы, давно прижившиеся в деревне. По-зимнему коротко тенькали синицы, деловито чирикали воробьи, по шершавому стволу сосны вверх-вниз сновал поползень. На рябине ещё висели ягоды, и на дереве расселась на кормёжку стайка красногрудых снегирей. На телеграфный столб около дома села сорока и самозабвенно и громко стрекотала— то ли радуясь светлому утру, то ли беспокоясь из-за близкого присутствия людей. На сосне около дома кормилась шишками белка. От вылущенных ею семян медленно падали на снег легкие крылышки, вращаясь в легком танце, мелькая серебристыми блестками в лучах утреннего солнца.

Для расчистки заваленной снегом дороги пришлось заводить старенький трактор-бульдозер. Долго возились с застывшей на морозе машиной: грели её паяльной лампой, обливали мотор горячей водой. Наконец трактор завёлся, выпустив в ясное небо чёрную тучу едкого дыма. Снег выпал глубокий, и, чтобы расчистить дорогу для машины, пришлось два раза проезжать на тракторе до главной дороги.

Охотовед уехал, а на станции начались новые хлопоты: поступивших медвежат нужно было определить на жительство...

Жизнь на Биостанции начиналась непросто. В декабре, под самый Новый год, в старом доме, когда-то построенном лесником из добротной сосны, разобрали огромную, занимавшую пол избы русскую печь. На её месте решили сложить современную печку— с плитой, обогревателем и сушилкой. За работу взялись научные сотрудники Заповедника, едва имевшие представление о печном деле. Главным печником стал я сам. Решил сложить печь с сушилкой, обогревателем и со сводами, чтобы можно было при надобности и хлеб испечь. На улице стоял мороз, и глину для раствора месили в большом чугунном котле, под которым беспрестанно горел костер. Кирпичи и раствор для строительства печки подавали через окно, которое постоянно оставалось открытым. От этого по избе гуляли сквозняки, и было холодно. От мороза глиняный раствор, на котором клали кирпичи, мог замёрзнуть, и тогда все труды по строительству печки окажутся напрасными: как только печь нагреется, раствор растает и как кисель вытечет из-под кирпичей. Если после этого печь не развалится, то топить её все равно станет невозможно— из всех щелей повалит дым. Поэтому, работали быстро – и днём, и ночью. Когда, наконец, закончи ли работу и растопили печь, все ликовали! Печка весело потрескивала дровами, из трубы вился сизый дым, на плите засвистел на разные голоса закипающий чайник. Прогревшаяся печь начала сохнуть, от неё повалил пар, от которого в избе повис густой туман, но это уже не могло испортить нам хорошего настроения.

Позже я пристроил к печке камин. Небольшой, шириной около полуметра, он загадочно гудел ярким живым пламенем, как бы напоминая новым жильцам о тех временах, когда огонь костра был главным святилищем, определявшим саму возможность выживания человека в дикой природе.

На биостанции началась работа. Но в самой середине зимы случилась беда: сторел старенький трансформатор. Семь долгих месяцев в деревне не было света. Но работа ученых на Биостанции привлекла внимание людей. Торопецкие специалисты не только установили новый трансформатор, но и провели к деревне новую электрическую линию на прочных бетонных столбах, заменили в деревне все старые деревянные столбы на новые и натянули новые провода. С тех самых пор с электричеством в Бубоницах проблем не было.

III. Первые сироты

Пять лет ушло на то, чтобы ознакомиться с прилежащими к биостанции территориями. Одновременно с этим мы изучали жизнь медведей в окрестных лесах и проводили работу по программе заповедника, которую составили специально для биостанции.

Первые медвежата-сироты появились неожиданно. В начале января, в самые рождественские морозы, хрупкую тишину утра нарушил рёв мощного мотора. Загребая по рыхлому снегу всеми четырьмя колесами, на пригорок выползла тяжелая машина. Из высокой кабины выпрыгнул человек. На нём был только свитер, а куртку он как-то странно держал впереди себя на вытянутых руках. Быстро зашёл в избу и сразу сказал, что принёс медвежат, и их нужно как-то спасти.

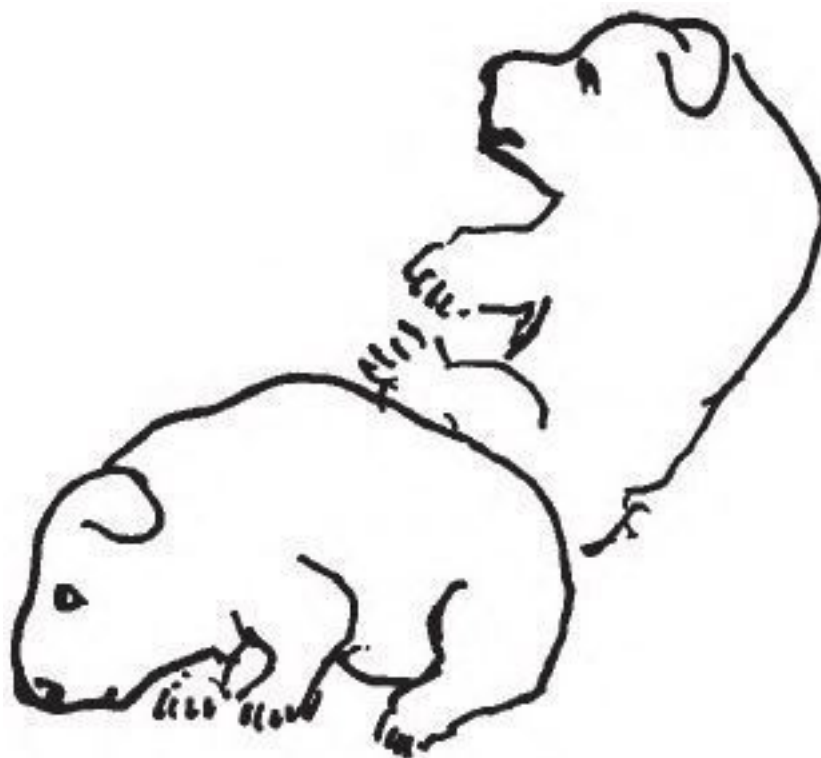
Обычно медвежата рождаются в середине января, но в редких случаях потомство у медведицы может появиться и в первых числах января и даже в конце декабря. Поэтому, я предполагал увидеть обычных новорожденных медвежат. Когда развернули куртку, то мы ахнули — на куртке лежали три живых комочка с красными носиками, такими же лапками и ещё кровоточащими пупочными канатиками. По всему было видно, что они только что родились. Особенно сокрушалась моя жена: таких маленьких медвежат у нас еще не было.

Детёнышей быстро уложили в корзиночку на тёплые пеленки и поста вили на печку. Вот когда пригодилась сушилка: она не нагревалась сильно и долго сохраняла ровное тепло.

Охотник, который привёз медвежат, нервно разводил руками, беспокоился за дальнейшую судьбу оказавшихся в беде детёнышей, просил сделать для них что-нибудь. Говорил, что не думали, не гадали охотники, что сотворят такую беду: убьют медведицу-мать, попавшую в беду по воле человека. Медведя вчера вечером согнали с берлоги лесорубы, когда валили лес в далёкой делянке. А сегодня, когда охотники добыли этого медведя, то оказалось, что это медведица и у неё родились медвежата. Клялся, что никогда больше в своей жизни не пойдёт охотиться на медведей зимой, когда эти звери лежат в берлоге.

Машина пошла назад, завывая мотором на подъёмах и гулко громы хая на ухабах железным кузовом. В деревне вновь наступила морозная тишина, изредка нарушаемая едва слышным лаем собак из ближайших селений.

Из рассказа человека, который привёз медвежат, попять удалось немного. Чтобы восстановить истинную картину происшедшего, мне пришлось съездить и на делянку к лесникам, и в город к охотникам.

А произошло следующее. В дальней лесной делянке работали лесорубы. Были бензиновые пилы, падали, тяжело охая, спиленные деревья, с них срезали сучки, а стволы цепляли за трос. Трелёвочный трактор этим тросом затаскивал стволы деревьев к себе на специальный щит и с громким рёвом тащил тяжёлый груз на погрузочную площадку.

Здесь стволы деревьев грузили на лесовозную машину, увозившую заготовленный лес с лесосеки в город.

Вой моторов и грохот от погрузки древесины разносились далеко окрест. Ближе к вечеру, когда уже подходило время закапчивать работу, вальщик срезал огромную сосну, со свистом упавшую в молодую поросль густых ёлочек. От неё во все стороны облаком полетел лёгкий перемороженный снег. И вдруг рабочему показалось, что в этом облаке снега мелькнуло что-то чёрное. Вальщик не поленился пойти к тому месту и увидел, что из-под самой макушки упавшей сосны выходит след медведя! На его крики подошли другие рабочие, осмотрели медвежью берлогу. Под корнями старого, полусгнившего пня была выкопана аккуратная ямка, на дне которой оказалось гнездо, выстланное травой вперемежку со мхом и листьями. Когда лесники приехали домой, то рассказали охотникам, что выгнали из берлоги медведя.

Ранним утром следующего дня охотники приехали на делянку. Осмотрели берлогу и решили, что тут лежал небольшой, но уже взрослый медведь, который старательно утеплил на зиму свою берлогу: все дырки по бокам заткнул пучками травы, перемешанной с землёй. У охотников было разрешение для охоты на медведя. Решили они пойти по его следу и посмотреть, куда ушел медведь. Обычно, если взрослого медведя спугнет с берлоги человек, то он уходит далеко, лезет в самую чащу, путает след. Боится медведь людей, знает, что по следу его могут найти.

Встали охотники на лыжи, зарядили ружья, разделились на две группы и пошли с двух сторон проложенного медведем следа так, чтобы только можно было его видеть. Они знали: если идти прямо по проложенному следу, то можно спугнуть медведя. Зверь обычно ложится так, чтобы смотреть на свой след, и как увидит человека, так сразу бросится наутек.

Оказалось, что медведь ушёл недалеко, всего на километр, и лежал в зарослях орешника, прямо на виду. Здесь его и убили. Когда медведя перевернули, то увидели трёх маленьких медвежат. Тут охотники поняли, что убили медведицу, которая родила детёнышей, и догадались, как всё произошло.

Медведица сделала себе удобную и тёплую берлогу, так как готовилась стать матерью и заранее позаботилась, чтобы в берлоге не было сквозняков. А потом случилось так, что незадолго до того времени, как она должна родить медвежат, рядом с её берлогой начали рубить лес. Сначала рубили в дальнем конце, но с каждым днем лесорубы приближались к берлоге. Вскоре начали валить лес рядом. Несмотря на это, медведица крепко лежала в своём логове, терпеливо переносила ужасный для её тонкого слуха грохот лесозаготовки, так как чувствовала, что очень скоро у неё должны появиться дети. Она знала, что нужно потерпеть ещё немного, – наступит ночь, а вместе с ней и тишина. Так продолжалось уже много дней. Знала она и то, что придёт новый день, и вместе с ним может вернуться в лес грохочущее беспокойство. Но где-то теплилась надежда, что скоро всё это пройдёт мимо неё, успокоится, и наступит прежняя, чуткая тишина зимнего леса с тихим, едва слышимым, спокойным шорохом снегопада.

Но когда прямо на её берлогу грохнулось дерево — она не выдержала, выскочила и убежала. Бежала напрямую, подальше от страшных существ, которые уже несколько дней подряд резали, корёжили и разрывали сто летний лес на части. А потом подобралась к самой её берлоге и ударили так, что земля вздрогнула, подпрыгнула, сотрясая и берлогу, и саму медведицу. Бежала до тех пор, пока не почувствовала ломящую тяжесть в животе. Села там, где застала её эта беда, выкатала ямку в снегу и к утру родила на свет трёх маленьких, жалких в своей беспомощности существ. Родила чуть раньше положенного срока. А утром, едва рассвело, тут же в снежной ямке и застигла её смерть от горячей нули охотников.

Положили охотники медвежат в тёплую куртку, и самый быстрый из них побежал назад к машине. Биостанция была недалеко, на неё и при везли новорожденных детёнышей. Вот и вся история о том, как у людей могут появляться медвежата-сироты.

Когда медвежат только привезли, они коротко мяукали, как котята, тоненькими голосками. В тёплых пелёночках, на печке, они быстро успокоились и заснули. Теперь нужно было внимательно следить за темпера турой в «гнезде»: нельзя было допустить, чтобы она опусти-

лась ниже 30° по Цельсию, но ещё опаснее для малюток было перегреть их до температуры выше 40°.

Как только медвежата проснулись и заворочались в корзинке, мы их осмотрели, взвесили и каждому дали сососать из сосочки немножко свежего коровьего молока— всего по несколько капелек. Вес этих зверушек оказался самым маленьким из всех медвежат, которые когда-либо попадали на биостанцию: самочка весила 462 грамма, а самцы – 465 и 468 граммов. Детёныши могли высосать молочка и больше, но нужно было, чтобы их организм привык к новой пище, иначе у них могли заболеть животики. У медведицы молоко густое, жирное, в нем есть все нужные витамины и соли. Коровье молоко имеет совсем иной состав, но постепенно медвежата привыкают к нему и вырастают нормальными зверями. Это мы знали хорошо.

У новорожденных медвежат желудочек совсем маленький, и их нужно кормить часто, каждые два часа. Мы с женой по очереди несли беспокойное дежурство. Конечно, кроме медвежат, у нас было много своих, обычных для деревенской жизни дел, да ещё нужно было ходить в лес для специальных наблюдений за жизнью отдельных лесных птиц и зверей. Но всё обошлось благополучно: через месяц у медвежат открылись маленькие, как чёрные бусинки, глазки. Теперь они получали молока вволю, пока сами не отказывались от соски. Кормили их через три часа, и только днем. С двенадцати часов ночи и до восьми утра они отдыхали.

К двум месяцам медвежата заметно окрепли, начали ходить и играть. К трёхмесячному возрасту их кормили уже через четыре часа и вынесли из дома в сарай. Ночью медвежата сидели в специальном, утеплённом с боков ящике. Днем в сарае открывали двери, в хорошую погоду выпускали их из ящика, и они часами резвились на солнышке.

К весне я выстроил в лесу небольшой вольер, поставил в нём деревянную будку, где медвежата могли отдыхать и укрываться от непогоды, и мы поместили их туда.

В эту пору в лесу ещё лежал снег. В каждый погожий день я выводил медвежат на прогулку в лес. Нужно было видеть, с каким упорством они двигались за мной! Если на пути им попадались проталины, которые ранней весной бывают насквозь пропитаны водой, то они звонко шлёпали лапками по лужам так, что вокруг только брызги летели. По снегу они упрямо лезли вперёд, старались идти вслед за человеком, проваливались в глубокие лунки от моих следов, карабкались вверх, скользили, вновь лезли и спешили вперёд. У медвежат проявилась реакция следования. Это особое чувство, заставляющее детёнышей непременно держаться ближе к медведице после того, как они выйдут вслед за матерью из берлоги. Теперь у них на глазах по снежной поляне двигался большой, ярко выделяющийся своей серой курткой человек. Тот самый, запах который был им хорошо знаком. А вокруг, лежал огромный, залитый солнцем лесной мир! Ветер гулял по лесу, шумел в нависших к самой земле еловых лапах, свистел на разные голоса в переплетениях тонких веточек. С разных сторон доносились неведомые медвежатам голоса обрадовавшихся весне птиц. Лес, как волшебный великан дышал, охал, скрипел сухими ветками, свистел разбойничьим посвистом.

Медвежатам было страшно, и они изо всех сил старались держаться ближе к знакомому им человеку. Как только я удалялся от них, беспокойство охватывало всё существо детёнышей, и они, отчаянно преодолевая все встречающиеся на пути препятствия, устремлялись вперёд! Успокаивались только тогда, когда оказывались совсем рядом с моими ногами.

За лето медвежата выросли. Их поместили ушными метками и перестали подкармливать. До глубокой осени, по вечерам, их можно было видеть на ближайшем к Биостанции овсяном

поле. Перед самыми первыми заморозками медвежата исчезли. Видимо, они заранее почувствовали приближение холодов и ушли в лес, на зимовку.

IV. Деревня

Шли годы. На Биостанции были построены лаборатория, жилой дом, большой вольер для содержания медвежат-сирот, лесные избышки. Мы продолжали изучать жизнь медведей и выяснили, что в тех лесах, где на медведей охотятся, они живут совсем не так, как в Заповеднике. В лесах Заповедника не было людей, и медведи вели спокойную жизнь, регулярно появляясь в разных местах заповедного леса. Когда у них начинались свадьбы, самки придирчиво выбирали себе женихов и старались отыскать по запаху уже знакомого им медведя. Обычно им оказывался самый сильный, могучий самец. Как только самка с самцом объединялись, они находили укромное место и жили там вместе несколько дней. От такой пары рождались медвежата с крепким здоровьем. В тех местах, где на медведей проводилась охота, они держались подальше от города и больших сёл, не выходили на ягодники, на которых люди собирали ягоды. А когда осенью на медведей начиналась охота, звери и вовсе уходили в самые дремучие леса. И свадьбы у медведей проходили здесь по-другому. Присутствие в лесах людей беспокоило их. Самка переходила с одного места на другое, за ней шёл самец, и они оставляли много следов в разных местах. На их след нередко выходили другие самцы, и тогда за одной самкой могло следовать сразу несколько женихов. Конечно, в этом случае самый сильный шёл за самкой первым. Но если других самцов рядом не было, то самка оставалась с тем, кого находила. Иногда это был вовсе не самый сильный и опытный самец. Известно, что охотники стараются добыть крупного медведя, и постепенно в лесах становится все меньше больших медведей. Вот и приходится самке иногда брать себе в супруги первого попавшегося самца. Нередко от такой пары рождаются медвежата со слабым здоровьем, и часть из них не выживает. В дикой природе выживают только самые сильные.

Близкое знакомство с оставшимися жителями деревни открыло удивительный мир их бытия. Жили они в домах, которые много лет тому назад построили с помощью соседей. Сначала заготавливали брёвна, рубили сруб, потом собирались мастера из всей деревни «на толоку» и ставили дом. После этого в доме делали двери, окна, «сбивали» из сырой глины русскую печь и начинали жить.

Летом женщины в свободное от колхозной работы время заготавливали, мочили, мяли и трепали лён, отбеливали его на солнце. Долгими зимними вечерами чесали куделю, пряли льняные нитки, да ткали на деревянных станках-кроснах холсты. Из холстов одежду шили и рабочую, и праздничную. Полотенца и выходные рубахи искусно расшивали цветным орнаментом. В военное лихолетье вручную поднимали пашню и за тридцать километров, из города, через лес, носили на себе зерно на посев.

До войны в деревне было тридцать дворов, большое стадо скота. В войну многие мужчины погибли. Осиротела деревня. Кто из мужчин остался – работали в лесу и на колхозной работе. Потом появился в деревне электрический свет, а вместе с ним надежда на лучшее будущее. Навсегда ушла в прошлое лучина, оставив в памяти насущную заботу о заготовке берёзовых гонков и воспоминания о дыме, висевшем вечерами в избе сизой пеленой и разъедавшем до красноты глаза.

Но жителей в деревне с каждым годом оставалось всё меньше. А потом и те, кто остался, стали уезжать в ближайшие сёла и в город. Добротные дома разобрали и вывезли. Так и опустели Бубоницы.

Верными родным местам до конца дней своих остались только Мария Фёдоровна и Василий Степанович Степановы. Были они родственниками, что характерно для многих старых деревень России, носили одинаковую фамилию и жили в крайних домах на разных концах деревни, как бы охраняя то, что от неё осталось. Это были удивительные люди, сохранившие в себе черты особого колорита истинно русской лесной деревни. Марию, красивую и весёлую

девицу, привёз в Бубоницы Серафим Степанов. Привёз из другой деревни, что вызвало недовольство родни – не примято было брать в жёны девиц из чужих деревень. Но выдержал Серафим все нападки родни, и прожили они в мире и согласии с Марией всю жизнь.

По традиции, сложившейся в тверских деревнях с незапамятных времён, все в округе называли Марию Федоровну Серафеихой, по имени её мужа. К старости одолели её хвори — сказала трудная крестьянская жизнь, непосильная работа от зари до зари. Но никогда Серафеиха не пожаловалась на свою жизнь. С глубоким уважением она относилась к хлебу, воде и соли. Её искренне радовала всякая, даже самая малая своя или чужая удача. В разговоре, в движениях её сквозила спокойная добро та, желание оказать посильную помощь всем, кто находился с ней рядом. При этом она оставалась открытой и гордой крестьянкой, до конца преданной своей деревне и своей земле. Схоронили Серафеиху на погосте, у полуразрушенной церкви в деревне Чистое, рядом с мужем.

Василий Степанович, которого все местные уважительно называли по отчеству, – Степанычем, – был на все руки мастер: и пахарь, и плотник, и кузнец. Всю жизнь, от самого рождения, он прожил в Бубоницах. Это был высокий и крепкий старик с чистыми глазами, в уголках которых всегда сидела добрая лукавинка. Было ему далеко за восемьдесят лет, в работе он был быстрым и расчётливым, сохранил ясный ум и крепкую память. Энергия кипела в нём ключом. Он успевал переделать все работы по дому, косил сено, колол дрова, копался в огороде и раз в неделю ходил в ближайшую деревню к автолавке за хлебом. Приезд людей в Бубоницы его несказанно обрадовал. Он тут же вызвался помогать нам в обустройстве жилья и ремонте дома. А по вечерам рассказывал интересные истории из своей жизни и в течение целого года не пересказал ни одной из них дважды. Тут было чему удивляться.

Особым удовольствием для Степаныча было засыпать с комлей рыболовный бредень. Комлями здесь называли два выдолбленных и связанных вместе осиновых бревна. Получалась устойчивая, тяжелая лодка, на которой плавали по озеру. На каждом озере были свои комли. Не очень удобные, зато их никто не мог забрать. Степаныч клал на корму гладкую доску, выкладывал на нее, в определенном порядке старенький бредень, брал весло, разгонял неповоротливые комли, и бредень сам по себе ссыпался в воду. Делал он это старательно и очень умело. Бредень вытаскивали и Степаныч светло радовался, если попадалась щука. Рыбы ловил ровно столько, чтобы хватило на стол. И никогда не сетовал на плохой улов. При этом всякая рыба была у него только хорошая!

Ранней весной Степаныч непременно приносил из леса первые, только что пробившиеся из-под снега цветки печёночницы и ветреницы. Заходил в дом, здоровался, аккуратно, нежно клал на стол первоцветы и широко, открыто улыбался, по-детски радуясь тому, что в лес пришла весна. Цветы в дом он приносил и летом. Это были лесные колокольчики-гравилат, ромашки, васильки и многие другие, но никогда не рвал их много, считая это грехом. В еде всегда был скромным. Тонко понимал юмор и сам мог пошутить так, что после первого смеха нередко приходи лось задуматься о сказанных им словах. Природу любил самозабвенно, знал все грибные места, а на красивый закат, нередко повисавший за деревенской околицей, мог долго смотреть. И тогда его неподвижная, длинная фигура чётко вырисовывалась на горящем бордовым пламенем вечернем небосклоне.

Вырастил Степаныч со своей хозяйкой пятерых детей и сам дожил до глубокой старости. Последние два года прожил у старшего сына в соседнем селе. Однажды вечером попросил истопить ему баню. После бани, как принято на деревне, посидел за вечерним семейным столом. А утром умер. Жизнь его была сложной, но чистой для себя и для людей, и смерть оказалась лёгкой. Похоронить себя завещал в деревне Чистое, на погосте, рядом со своей женой.

V. Судьба сиротская

Первых двух медвежат-сирот мы выпустили на волю ещё до переезда в Бубоницы. Через некоторое время выяснилось, что один из них вышел к женщине, которая собирала на болоте клюкву. Женщина испугалась и закричала. На эти крики подбежал её муж и убил медвежонка. Люди, которые собирали на болоте ягоду, оставляли после себя всякие объедки: кусочки хлеба, крошки от пряников, сладко пахнущие обёртки от конфет, косточки от мяса и многое другое. А иногда и специально выкладывали остатки еды на кочку— «для диких зверей и птичек». Сами выкладывали и детей своих учили, чтобы были добрыми по отношению к диким животным. Но при этом не ведали, что вместо добра творят большое зло: звери привыкали подбирать «вкусную пищу», а потом начинали специально разыскивать такие остатки. Животные привыкали к запаху людей, переставали их бояться, и многие из них погибали: люди всегда были и сейчас ещё остаются главными виновниками гибели диких животных. Такая беда случилась и с этим медвежонком. Выпусти ли медвежат-сирот на волю в конце июля. Они благополучно прожили до сентября, когда вышли кормиться на болото клюквой. Вот тут и произошла трагедия с одним из них. Второй медвежонок прижился в месте выпуска, и спустя два года его видел егеря заповедника: рассмотрел в бинокль метку на ухе.

Постепенно работа с медвежатами-сиротами становилась на Биостанции основной. Оказалось, что ежегодно по разным причинам к людям попадает много маленьких медвежат. Обычно их берут из берлоги после охоты на медведя. Люди всегда охотились на этого лесного хищника. С глубокой старины до наших дней медведей добывают ради питательного мяса, целебного жира и красивой шкуры. Со временем охота на медведя приобрела особое значение: он стал престижным охотничьим трофеем. За охоту на медведя стали платить большие деньги. А чучела добытых медведей, стоящих на задних лапах, с оскаленной пастью, поднятыми или вытянутыми вперед толстыми, могучими лапами, вооружёнными страшными когтями, стали выставлять для показа как символ особого мужества и единоборства охотника с этим зверем. Но ушли в прошлое времена, когда на медведя охотились с примитивным оружием, и добыча каждого зверя была целым событием. В наше время мощные охотничьи карабины смертельно поражают медведя и на близком, и на далёком рас стоянии.

Медведи – дневные хищники. Ночью они видят плохо, а в тёмную ночь совсем не видят, поэтому предпочитают ходить в вечерние и утренние сумерки. Вынуждены они были выбрать такой ритм жизни в связи с тем, что днём их преследовали люди. Безжалостная современная техника отобрала у них возможность спрятаться от человека в темноте: для охоты на медведя стали применять прицелы ночного видения.

Но самой престижной для охотников была и остаётся охота на медведя на берлоге. Охотники становятся близко к лежащему в берлоге зверю, выгоняют его и стреляют в упор. Шансов на спасение у такого медведя практически не остаётся. Иногда окружённый людьми медведь бросается на охотников. Бывают случаи ранения и даже гибели людей от медведя. Тогда людская молва передаёт это событие из поколения в поколение, оно обрастает небылицами, что только подогревает интерес охотников на медведей.

Берлогу люди стараются найти ещё с осени, отыскивая следы медведей по первому снегу. По следам определяют также размер прошедшего зверя. Последними на берлогу уходят, как правило, крупные самцы. Если выследят охотники крупного медведя, который ушел к берлоге по снегу, то вероятность того, что в берлоге может лежать самка, очень маленькая. Но обычно берлоги медведей ищут зимой с собаками. Собака облаивает любого медведя, которого найдёт. Поэтому охотникам могут попадаться взрослые и молодые медведи, в том числе и самки. Зимой под глубоким снегом собаки с трудом обнаруживают медведя. Дело в том, что, когда медведь долгое время лежит в берлоге без движения, из его шерсти вымерзает, выветривается

запах. В таких случаях собака может обнаружить медведя, если подойдет к берлоге совсем близко.

Совсем другое дело, когда в берлоге лежит медведица. Перед родами она начинает ворочаться. Запах её шкуры как бы обновляется. А после родов и тому подавно – берлога медведицы далеко пахнет. Поэтому, начиная с середины января, собаки чаще находят берлоги с медвежатами. Охота на берлоге бывает разрешена до самой весны.

Охотники говорят, что они не знают, кто лежит в берлоге, – самец или самка. Это действительно так. Поэтому они как бы снимают с себя моральную ответственность за то, что добывают самку, у которой родились детёныши. Вот и появляются на попечении у людей медвежата-сиротки.

В первые недели после рождения они ещё очень слабые, и многие из них, как только попадают к людям, погибают. Подросших медвежат нетрудно выкормить дома, Пушистые, очень подвижные зверьки быстро привыкают к человеку, самозабвенно обсасывают у него пальцы, руки, открытые части тела, чем вызывают особое расположение своих кормильцев. Особенно яркая любовь к маленьким медвежатам проявляется у женщин.

Но вот медвежата подрастают, Из нежных попрошаек они неожиданно для своих хозяев превращаются в требовательных вымогателей, а потом и в безжалостных разбойников, Царапают когтями и кусают своих кормильцев, требуя у них еды повкуснее, переворачивают и рвут домашние вещи, Ошарашенные таким превращением, люди стараются всеми возможными способами избавиться от погромщиков, Сначала пытаются передать медвежат в зоопарк Там, как правило, все места бывают заняты: во всех зоопарках мира все виды медведей успешно размножаются, и нет надобности брать зверей «со стороны». Звонят цирковым артистам, но тем подросшие медвежата не нужны, так как для дрессировки годятся только малыши.

Люди пытаются определить своих бывших любимцев куда угодно, лишь бы не убивать. Содержать подросшего медвежонка без прочной клетки становится опасно для детей и для взрослых, Такова безрадостная судьба всех медвежат, которые попадают в руки к человеку: либо пожизненное заключение в клетке, либо скорая насильственная смерть.

У цирковых артистов также есть проблемы с отработавшими медведями. Редко какой цирковой медведь работает с артистом много лет, С возрастом медведи становятся раздражи-

тельными, не переносят общества. Это и понятно: в дикой природе они живут одиночками. Только в период свадьбы самец ходит с самкой, да медведица водит своих медвежат до той поры, пока они подрастут. В неволе повзрослевший медведь также стремится к уединению, его раздражает присутствие человека, который заставляет его «работать». Общаться дрессировщику с такими зверями становится невозможно, и в дрессуру берут новых маленьких медвежат. Куда деваются взрослые цирковые медведи, можно только догадываться. Как-то не приятно об этом говорить.

VI. Медвежий дом

Когда стало известно, что на Биостанции выращивают медвежат-сирот для того, чтобы выпускать их в дикую природу, сюда стали поступать медвежата в возрасте от нескольких дней до трёх месяцев. За двенадцать лет работы на волю было выпущено 84 медвежонка. Многие из них многократно регистрировались после выпуска, что подтверждает возможность их выживания в дикой природе. Работа с медвежатами-сиротами удивительно многообразна, она требует особого внимания и знаний. Но ничто не может сравниться с радостью от того, что красивый, гордый и сильный лесной зверь волею судьбы избежал горького плена у человека и обрёл свободу той жизни, которую ему определила сама Природа.

Детеныши бурого медведя оказались удивительными созданиями! При общей, как бы одинаковой для всех закономерности развития, они отличались яркой индивидуальностью. Она проявлялась во всём: в скорости роста, в привычках, во взаимоотношениях друг с другом, в способности приспосабливаться к жизни на воле и в других качествах, перечислить и выделить которые оказалось совсем непросто.

Для работы с маленькими медвежатами требовалось тёплое помещение. Вначале мы приспособили для этого лабораторию. Лаборатория располагалась во второй половине нашего дома. В середине ее стояла большая печь, тепла которой хватало для того, чтобы в комнате поддерживалось ровная температура в течение суток. Только в самые лютые морозы эту печь топили дважды в день: рано утром и вечером.

Медвежата в возрасте от рождения и до месяца ещё не способны самостоятельно себя обогреть. Для их содержания сделали специальные ящики. В них при необходимости вставлялись перегородки, которые делили их пополам. В одной половине дно было сплошное, в другой – из мелкой нержавеющей металлической сетки. Медвежат в возрасте до 30–40 дней помещали в той половине ящика, где было сплошное дно. Ящик застилали чистыми пелёнками и ставили около печки. Позже приобрели электрические прорезиненные коврики, которые поддерживали постоянную температуру от 28 до 38 градусов. Такие коврики укладывали под дно ящичка, и медвежатам было тепло. Когда медвежата подрастали, перегородку вынимали, и зверьки могли выходить на ту половину ящика, где была сетка. Под сеткой стоял жестяной поддон. В нём собирались нечистоты, и это значительно облегчало уход за медвежатами. Но присутствие медвежат в лаборатории очень мешало работе, а иногда вовсе исключало возможность пребывания там людей. Дело в том, что в той комнате, где содержали медвежат, нельзя было разговаривать, включать музыку, появляться посторонним людям. Для животных старались создавать такие условия, которые хотя бы приблизительно были похожи на их жизнь в берлоге. А посторонних людей не пускали, чтобы медвежата не знакомились с «чужим» запахом. Поэтому, как только появилась возможность, содержание маленьких медвежат перенесли в отдельный дом.

Это был старый деревянный дом, в котором уже давно не жили люди, но полы, потолки и стены неплохо сохранились. Главное, в доме стояла большая печь, которая исправно топилась. После небольшого ремонта этот дом на несколько лет стал как бы берлогой для маленьких медвежат и получил название «медвежий дом».

В одной половине поставили портативную газовую плиту, боксы с необходимыми продуктами, весы, посуду и ветеринарный шкафчик. Вся другая половина была оборудована для медвежат. Здесь стояли ящики для их содержания и топчан, на котором медвежат осматривали и кормили ли. Комнату перегораживала вольерная сетка, которая при необходимости убиралась.

В этом доме медвежат содержали до трёхмесячного возраста. Здесь их кормили вначале из соски, потом приучали есть из мисок. Связано это было с тем, что из соски один человек может одновременно кормить не больше двух медвежат. При этом также неминуемо происхо-

дил контакт с руками человека. Детёныши медведя очень равнодушны к голой коже человека. По-видимому, она для них такая же приятная, как сосок медведицы-матери. Поэтому при работе с медвежатами мы всегда надевали перчатки или рукавицы. Обычно медвежат выкармливала моя жена. Лишь в особых случаях, когда на содержании было много медвежат, к их кормлению подключался и я.

В возрасте двух месяцев медвежата уже очень хорошо слышат и имеют тонкое чутьё. Как только начинали кормить одного медвежонка, другие слышали, как он чмокает соской и урчит. Медвежата понимали, что началось кормление. Те малыши, которым приходилось дожидаться своей очереди, начинали волноваться, пищать, а потом принимались скоблить стенки ящика и кричать. Если им долго не давали есть, то они возбуждались до такой степени, что потом отказывались от еды. Из мисок один человек мог одновременно кормить всех медвежат. И руками не нужно трогать зверьков, и волноваться им не приходится— у каждого своя порция каши.

В первых числах апреля, когда в лесу появляются проталины, медвежат выносят в лес. В лесу стоит деревянная избушка без окон, с наглухо закрытыми дверями. Внутри стоят специальные клетки. В них лежит толстый слой соломы. Избушка для медвежат как бы представляет берлогу в тот период, когда они уже не нуждаются в обогреве. Этот дом-берлога нужен для того, чтобы подрастающие медвежата содержались вдали от людей. В этом случае они не будут слышать звуков, которые сопутствуют человеческому жилью, и будут привыкать к тем звукам и запахам, которые обычны для дикой природы. Дом-берлога является для медвежат так же надежным убежищем в непогоду в то время, когда медвежата начинают самостоятельно, без сопровождения человека, выходить в лес.

Работа с медвежатами построена так, что в апреле месяце двери дома-берлоги остаются постоянно открытыми и медвежатам предоставляется полная свобода. В это самое время медведицы выводят из берлог своих детей в большой свет. Как это происходит на самом деле, можно только догадываться, но за долгие годы наблюдения за дикими медведями кое-что всё же удалось подсмотреть.

VII. Весна

Настоящая весна приходит в здешние края только в середине апреля. Ясная, солнечная погода может вдруг смениться густой метелью, а тёплый южный ветер поменяться на колючий и холодный северо-восточный. В марте по ночам крепкий мороз прихватывает подтаявший на солнце снег, и тогда образуется на снегу ледяная корка-наст. В отдельные годы наст бывает таким крепким, что ходят по нему, не проваливаясь, даже кабаны и лоси.

Крупные медведи-самцы стараются выбраться по насту из лесной глуши на открытые места: на болота, на край поля или на холмы, одна сторона которых расположена к солнцу. Снег в таких местах тает рано, и на открывшейся земле можно найти себе пропитание. Некоторые медведи упорно гоняются за лосями и кабанами в надежде поймать их. Но такая удача выпадает им редко, и, отчаявшись поживиться мясом, медведи уходят искать растительную пищу.

Весной голодные самцы могут представлять опасность и для молодых медведей, и для медведицы с медвежатами. Вот и распорядилась природа так, что выходят из берлог молодые медведи и матки с медвежатами в то время, когда появляются проталины, и медведям уже можно найти для себя корм недалеко от берлоги. Самцы к этому времени занимают лучшие кормные места, и вероятность встречи их с молодыми медведями и самками небольшая.

В самом конце марта небо стало совсем прозрачным, иссиня-голубым. С широких еловых веток елей давно свалился налипший за зиму снег – кухта, а берёзы на солнечной опушке подёрнулись лёгкой, едва заметной синевой, которая бывает на них только ранней весной. Утром по лесной просеке прошёл длинноногий лось, с хрустом проваливая в подстывшем за ночь снегу глубокие лунки. В осиннике напевно, по-весеннему, свистели синицы, слышался тонкий писк рябчика и далеко окрест разносился дробный стук – весенняя песня дятла.

Ранним утром, на самом рассвете, ушёл от своей норы барсук. Пока держал наст, он побегал по знакомым местам, покопался в насквозь прогнившем пеньке, в надежде найти личинку короеда. Около замерзшего ручья вытащил из-под корней дуплистой ольхи окостеневшую от мороза лягушку. Её припрятала «про чёрный день» запасливая норка, да зачуял лягушку вездесущий барсук, достал и съел.

На лесной полянке, там, где один остров леса близко примыкал к другому, белки выбили на снегу целую дорожку, бегали из одного леса в другой. У них началась пора свадеб. Найдёт самец себе подружку – и начинается у них весёлая игра. Бегают по деревьям друг за другом, цыркают.

Барсук внимательно понюхал беличью дорожку: свежие следочки источали тонкий аромат еловых семян, чуть слышный кисловатый запах сухих грибов. Бегают белки по лесу, вот и собирают на своих лапках разные запахи просыпающегося от зимы леса— запахи, такие знакомые барсуку.

Ещё раз понюхал барсук беличью дорожку, подёргал носом и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, потрусил дальше. Но не прошел он и десятка шагов, как дорогу ему перегородил толстый ствол осины. Она упала ещё осенью, но не легла совсем на землю, а задержалась на толстых сучках, которые обломились при падении дерева только наполовину и воткнулись в землю. За зиму осину засыпало снегом так, что под стволом барсук пролезть не смог, обходить дерево не стал, а вскарабкался по снежному надуву наверх и спрыгнул на другую сторону. И в этот момент из-под самого его носа с треском выскочил рябчик. Птица ночевала в удобной снежной лунке под стволом осины и так удобно там уст роилась, что до сих пор не выбралась наружу несмотря на то, что день уже давно начался.

От неожиданности барсук крякнул, присел, но быстро оправился, посмотрел вслед улетевшей птице, развернулся и сунул нос в ямку, в которой только что сидел рябчик. В ямке сохранился тёплый запах птицы. Барсук долго и внимательно нюхал щекочущий ноздри запах,

облизывал ставший горячим от волнения нос, фыркал и вновь втягивал носом пахучую струйку воздуха. Вкусная добыча ускользнула.

Добыть рябчика для барсука всегда было большой удачей. Случалось это так редко, что старый барсук помнил все случаи, когда это произошло. В последний раз ему посчастливилось поймать рябчика поздней весной прошлого года. В ту пору тепло уже разогрело землю, и на песчаном откосе подсох песок. Проходивший по вершине откоса барсук услышал, как внизу кто-то фыркает. Осторожно подошёл к краю и увидел самозабвенно купающегося в мелком песке рябчика. Тот трепетал крыльями, зарывался в песок, тряся всем телом, разбрасывая вокруг себя целые пригоршни засыпавшегося ему в перья песка. Рябчик так увлёкся купанием, что совсем не слышал подошедшего хищника. Барсук спрыгнул с откоса прямо на птицу и легко её поймал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.